

Дубли

Сергей Ростовцев

Дубль третьего поколения

16+

Сергей Ростовцев

Дубли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ростовцев С. Ю.

Дубли / С. Ю. Ростовцев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04750-1

Описанные события, имена, фамилии, даты — подлинны. Несовпадения — исключены. Вы можете считать, что это фантастика, типа «Попаданцы». Но не верьте скептикам. Вы читаете подлинную историю. Возможно я, как одно из действующих лиц этого повествования, что-то и приукрасил. Возможно. И поверьте, что мне иногда..., бывает, очень жалко, что всё это не фантастика. Бывает и наоборот. И, в конце концов, какая разница сколько звёзд в Большой Медведице, семь или восемь? Земля, она один, два или три — это всё равно Родина. Дубль третьего поколения, Серёга Зёга Ростовцев.

ISBN 978-5-532-04750-1

© Ростовцев С. Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Книга первая: По дневнику Хлызова.	5
Преамбула	5
Первая часть Без возврата	7
Поиски дохода	7
Шпионы	8
Диссертация	10
Ангар	17
– Крутани!	23
Жребий брошен	26
Экскурсия	27
Шпаргалка	30
Ну, поехали	32
Ледяной океан	36
Вязкий мир	37
Возвращение в медузу	42
Освобождение	44
Крупых	49
Вселенная	53
Огыс	56
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Книга первая: По дневнику Хлызова.

Преамбула

*А голос в телефонной трубке ранит.
Он будит в нас ушедшие мечты.
Тебя я помню в лёгком сарафане,
Но почему-то растворилась в прошлом ты.*

Я, Сергей Ростовцев, молодой человек лет шестидесяти, проснулся в восемь часов утра, в съемной квартире, в Израиле, в двадцать первом веке. Проснулся от того, что мой сотовый телефон яростно звонил.

Именно телефон, а не будильник. Будильники я в своём доме истребил. Но кому в такую рань не спится? Наверное, с работы. Там у них какая-то программа не пошла. Сейчас будут строго спрашивать, почему меня нет на работе.

Вообще-то, я работаю с восьми. Но, ни разу в своей программистской жизни не приехал на работу вовремя. Если приехать, не выспавшись, так весь день только и мыслей будет, как бы поспать. Какое-то время назад мне разрешили приезжать с девяти. С тех пор, если я приезжаю с восьми до пол-одиннадцатого, это считается вовремя. Если позже – нужно предупреждать. Но периодически... Я взял трубку.

– Алё.

– Привет! – раздался в трубке такой знакомый и так давно не слышимый женский голос. – Проснулся? Через десять минут жду тебя у Ангела. Увидишь меня – иди следом.

– Иду.

«Ангел» – заведение в Ришон ле-Ционе, на углу Жаботински и Олей Гордон, чуть выше филармонии. Я даже не знаю, что там внутри. Но знали о том, что это наше обычное место свиданий, только... Черт побери! Откуда Яна знает, об «Ангеле»?

Когда я увидел Яну, она глянула на часы и пошла вверх по улице Жаботински.

Совсем ведь пятидесятилетняя старушка. Она постарела, но фигура была по-прежнему стройной, и шла она, не горбясь, а хорошей спортивной походкой. По сравнению с ней, я не шел, а ковылял. Да разве только по сравнению с ней?

На углу улиц Герцль и Жаботинского – небольшой сквер, закрытый растительностью со всех сторон, кроме домов к которым он примыкает.

Яна села на лавочку и открыла какую-то книгу.

Я сел рядом.

– Без резких движений – сказала Яна, правильно угадав мои желания. Хотелось обнять и расцеловать её прямо тут.

– Я встану, а ты возьмишь книгу.

– А что такая секретность?

– Бережёного, Бог бережет.

– Да нет тут никого. А хочешь, подойди, вон, к остановке автобуса. Потом сядем по одному и на заднее сидение. В эту сторону свободных мест всегда куча. Хотя лучше бы ко мне.

– Ладно. Поговорим пару минут здесь. Бог не выдаст, свинья не съест. Это Валеркин дневник или мемуары... Уж не знаю, как это определить. Я его обработать не смогу, да и как потом опубликовать, не представляю. Ну а ты свое пожил... и поживешь ещё. Взгляни.

Она положила свою книгу, и я понял, что в обложке от Вайнеров вшита рукописная, очень толстая тетрадь.

– Давно он у тебя?

– Дневник? Да. Валерка... как знал. За две недели до событий привез его мне и попросил, чтобы он пока у меня побыл. Разрешил почитать.

Валерка погиб в автокатастрофе, и я об этом знал.

Подержав несколько секунд обложку Вайнеров в руках, я открыл тетрадь...

Первая часть Без возврата

Поиски дохода

*Планеты, уважаемые зрители!
Советские, вас лучшие и умней.
Природа вас талантами обидела?
А мы страдаем скромностью своей.*

Валерий Хлызов, долговязый парень, за тридцать, с залысинами по бокам своего морщинистого лба, работал гидробиологом в НИИ днепропетровского университета.

Работа у него была весёлая. Два раза в месяц, «от семьи, от детей», как он любил говорить, на небольшом пароходике, он «сотоварищи» и, самое главное, «соподруги», отправлялся вниз или вверх по течению Днепра. Они отлавливали сетью рыб, которых считали, документировали и отпускали. Отпускали, правда, не всех. На берегу, недалеко от сельских пристаней, особо отличившиеся образцы попадали в уху. Уха поедалась под лабораторный спирт или лабораторно, перегнанную сивуху, купленную в прибрежных селах.

Ох, какие это были вечера!

После ушицы и изрядного количества алкоголя проходили веселые ночные купания, о которых и о том, что было после них, вспоминать вслух, было не принято. Так что и мы из скромности, этого делать не будем.

По этим причинам, несмотря на скромную зарплату, Валерка (а все его называли именно так) менять свою работу не собирался. Но деньги были нужны. И он искал, как устроить пополнение их количества.

Однажды, несколько лет тому, в одной из поездок, содержание которых описано выше, Валерка обнаружил пресноводную медузу. Медуза была не ахти. Её зонтик у взрослых особей был всего двенадцать миллиметров. Но именно ей Валерка посвятил свою кандидатскую диссертацию. Медуза эта, была известна давно, но её днепровская популяция нигде не упоминалась.

Он стал кандидатом наук, но на его зарплате это почти не сказалось. Увы. Но не бросать же, такое веселое место?

Валерка начал поиски заработка совсем в другом направлении.

С детства Валерка дружил с техникой. Попадающий к нему в руки поломанный фотоаппарат, устройства которого он не знал, после того, как его удавалось разобрать и собрать, начинал работать. Микроскопы, попадавшие к нему в руки, начинали видеть то, что до этого им было недоступно. Сковарка переставала свистеть струей горячего пара из-за старой прокладки. Пылесос начинал разбираться, не осыпая всё вокруг пылью. Это и многое другое становилось тем, для чего оно было предназначено изначально. Это тоже давало заработок, но небольшой.

По жизни Валерке везло. Вот только с новыми идеями у Валерки не получалось. Он не умел фантазировать. Но и тут везение его не оставило. Рядом с ним оказался человек, чьи фантазии, хотя и далеко не все, он мог воплощать в жизнь. Этот парень стал его близким другом и как раз сейчас опять размышлял вслух:

– А как было бы здорово, сделать фирму по проверке кормов для птиц и производителей рыб? Как было бы здорово сконструировать такой прибор, который предупреждал бы об опасности порчи кормов?

Серёга, так звали этого парня, был толст, невысок, весел и всегда доволен собой. Он катился по жизни, не забивая себе голову практическими задачами. Когда ты можешь фантазировать и живешь в мире фантазий, какое значение имеет текущий кран или неработающая ручка входной двери? Главное было найти позу, в которой это не будет мешать. И Серёге Валерка, был тоже очень нужен, поскольку количество поз, когда кран переставал течь, ручка отваливаться, резко возрастало. Позы можно было разнообразить, что помогало уходить в своих фантазиях все дальше от реального мира. Да и фантазировал он по-особому. Это называлось «перпендикулярно».

– А как ты это узнаешь? – спросил Валерка, услышав об устройстве.

– Так можно поставить призму, и светодиод в том месте, где свет определенного спектра, например, метана, он будет отбрасывать полосу, а с другой стороны, поставить белую лампу, которая будет включаться раз в час, и её свет разложится на спектр, в котором светодиод либо зафиксирует, либо не зафиксирует полосу метана.

Ни устройство призмы, ни то, к чему светодиод будет подключен, Серёгу не интересовало. Ну и правильно. Через пять минут он фантазировал о чём-то другом. Но через два дня Валерка собрал первый спектроанализатор.

Проверку на метан решили провести на очистных каналах. Тогда-то и произошел неприятный «инцидент», с которого все и началось.

Шпионы

Органы... не тела, а страны

Всех нас видят, бдят и даже любят.

Знаете, как нам они нужны?

Нам, советским, гениальным людям.

Очистные каналы были стоком промышленных вод. Стекали они по извилистому дну Тополиной балки. А потом опраивались в канализацию. Канализация попадала в каскад очистных каналов перед самым Днепром. Туда ездили редко. Там тоже был «трубочник» – червяки, которыми кормили аквариумных рыб. Но там трубочник был менее чистый. Поэтому, по наезженному маршруту, Валерка и Серёга приехали проверять спектроанализатор в «Тополиную балку».

Спектроанализатор установили над поверхностью воды. Световой импульс, проскакивающий между передающим и приемным светодиодами, сопровождался аудио щелчком. Валерка сделал щелчок для того, чтобы отрегулировать на слух, периодичность проверки, по желанию «заказчика».

Они стояли и слушали щелчки и смотрели на стрелку амперметра, показывающего интенсивность той или другой линии спектра, которые Валерка тоже сделал избирательными.

Они были так увлечены действием прибора, что почти не замечали происходящего вокруг.

– Радиацию меряем? – услышал Валерка у себя за спиной хриплый низкий голос. Он, и Серёга обернулись.

За их спинами стоял кряжистый мужик лет сорока, в темно-зеленой камуфляжной форме, и два солдата с АКазМами блестящими на солнце своими дулами.

– Забирайте счетчик, и пройдемте, – скомандовал мужик в камуфляже.

– Это не счетчик... – сказал, было, Серёга, но офицер (так Валерка) окрестил мысленно кряжистого мужика, бросил на них такой взгляд, что было ясно: что-либо объяснять бесполезно.

– Не разговаривать! – строго, но спокойно сказал офицер, и взял из Валеркиных рук спектроанализатор.

На близлежащей дороге стоял «газик», куда их и посадили.

Поехали они прямо в Федосеевские казармы, где их рассадили в разные камеры, местной гауптвахты.

Через час к Валерке в камеру зашел юркий, улыбающийся и морщинистый мужичок лет пятидесяти.

– Пойдемте, молодой человек, – сказал он, приглашая Валерку следовать за собой. Охраны уже не было. Он, повозившись с ключами, и казалось, не обращая на Валерку никакого внимания, открыл похожий на парковую беседку флигель и оказался с Валеркой в просторном кабинете со следами высохшей сырости на стенах и соответствующим запахом.

– Как Вас зовут? – спросил мужичок, усаживаясь за стол и, предлагая сесть Валерке.

– Валерий Хлызов.

– Я полковник комитета государственной безопасности СССР, Тимошук Анатолий Иванович. – Мужичок мотнул перед его глазами удостоверением в красной корочке, – Так что же это у Вас за приборчик такой?

Разобранный спектроанализатор лежал на столе.

– Это анализатор для определения наличия спектра различных органических газов. Мы его испытывали.

– Это Вам по работе нужно? Где Вы работаете?

– Это и по работе тоже. В университете. Зам. зав. лаборатории ихтиологии и ихтиопатологии в НИИ ДГУ.

– А товарищ, Ваш?

– Там же. Лаборантом. Радиацию мы не измеряли. Мы и не знали, что там радиация.

– А ее там и нет. – Тимошук, наигранно ласково улыбнулся. Но, знаете ли.... Бдительность никогда не помешает. Вам же особых неудобств не причинили?

– Да нет.

– Только вот заполните эту анкету и распишитесь, что если вдруг понадобится, может, и нам Ваша помощь будет нужна, так явитесь по вызову. Хорошо?

– Хорошо, – обрадовавшись, согласился Валерка. Кто же спорит с полковниками госбезопасности, да еще по таким мелочам?

– Вот и ладно. Ваш товарищ, такую уже заполнил.

Полковник положил перед Валеркой бланк и подписку о том, что в течение 92 дней он обязуется немедленно по первому требованию, прибыть в управление КГБ.

«Вот интересно, – подумал Валерка, – а без этой анкеты я мог бы не прибывать? – и внутренне хохотнул, что на девяносто третий день он обязательно откажется.

КГБ – оно, как расстройство желудка. Попробуй, откажись реагировать?

– Приборчик не забудьте – весело сказал мужик, когда Валерка уже покидал кабинет.

Отдав выписанный кагэбэшником пропуск, Валерка вышел за ворота казарм. Сидя на парапете, его ждал Серёга.

– Отдали-таки. Гады.

– Чего гады? Работа у них такая.

– Так что, пойдем, продолжим измерения?

Они рассмеялись и пошли к пивному ларьку, располагавшемуся возле Лагерного базара. Работа работой, но вот от беседы с вежливыми военными рубашка на Валеркиной спине была совершенно мокрая.

Зато пиво было холодным, и солнечный майский день клонился к вечеру. Всё хорошо, что хорошо кончается.

Диссертация

*Учёным быть – великая заслуга.
Зарплата не ахти, но это не беда.
В труде, в бою – не ведаем испуга.
Зато в мечтах, не ведаем труда.*

Но забыть в повседневной текучке о случившемся на очистных, Валерка не успел.

Когда через три дня к нему на работу позвонил какой-то майор и стал договариваться о встрече, Валерка вновь напрягся. Принудительное общение с представителями власти сразу вызывало у него легкое недомогание и слабость в ногах.

Он зашел к Серёге в лабораторию. Тот сидел перед пустым аквариумом и рассматривал грунт.

– Интересно, а по цвету можно определить степень загрязнения? – вновь фантазировал Серёга.

Фантазировал он беспрерывно.

– С тобой уже связывались?

– Кто?

– Ну, из КГБ?

– Нет пока. А с тобой опять решили «поговорить»?

– Завтра. В двенадцать.

– Весь день перегадят. Если отпустят.

– Ты «оптимист».

– Хорошо – сейчас, а не перед поездкой. Поездку пропускать жалко.

– Спасибо что напомнил.

Валерка понимал, что его садить не за что. Это Серега уж совсем.... Но могли попросить никуда не выезжать.

Поездку пропускать действительно не хотелось. Вся жизнь текла в ее предвкушении. В поездку, лаборантками, обязательно возьмут пару девочек из первокурсниц. Девочки с биофака, конечно, не филологи или медички. У тех самим можно чему-то научиться. А тут придется уговаривать, и намекать, что моральные принципы в научных исследованиях сильно мешают. Хотя, как правило, такие намеки продолжались только до первой четверти стакана спирта.

Майор Абрамов, встретивший Валерку, был одет в аккуратный светло-серый костюм. Не вспоминая об инциденте на очистных, он сразу стал интересоваться Валеркиной кандидатской.

Валерка отвечал на вопросы и изумлялся тому, что мало того, что его кандидатскую кто-то читал, да еще ее читали именно здесь. А если эта «беседа» никак не связана с происшедшим на очистных сооружениях? Но тогда с чем она связана? Он пытался найти ответ в задаваемых вопросах, но не находил.

– Скажите, Валерий Николаевич, Вы вот тут, описывая возможное появление медузы в среднем течении Днепра, пишете о невозможности вида передвигаться против течения и предполагаете возможность перемещения прародителей популяции по воздуху.

«Вот оно! – спина у Валерки вспотела, – они крутят какое-то дело о коррупции с кандидскими и, найдя этот идиотизм в моей, решили, что я её купил! Вот гад, Серёга!»

Воспоминания начали крутиться у Валерки с необычной для него скоростью.

Он вспомнил картинку:

Серёга сидел у окна, наблюдая за пляжными девочками и периодически отлавливая из пластиковой канн, стоящей перед ним, интересные на его взгляд экземпляры малька золотых карасей-вухляхвостов.

Как Серёга совмещал оба этих занятия, понять никто не мог, но все знали, что для выращивания более скрупулезно, чем Серёга сделать отбор никто не мог. Удивительно, как такая скрупулезность уживалась в нем с явным безразличием к какому-либо порядку.

Рядом с ним лежала его курсовая, которую можно чуть расширив превратить в кандидатскую. Об этом Серёга еще очень долго и цветасто будет мечтать, и только. Ему бы очередной заход на пятый курс, закончить дипломом.

Курсовая называлась: «Эволюция функций движения белковых систем».

В ней Серёга доказывал, что движение всех организмов являлось только функцией динамических и химических свойств экосистемы. Начинал он от глицериновой капли в воде, совершавшей те же движения, что и амеба своими птеригоподиями – ложноножками.

Валерка сидел за эмалированным лабораторным столом и писал свою кандидатскую, с сожалением наблюдая за умиранием тетрадона.

[Тетрадон – рыбка, раздувающаяся при опасности. Частный случай – вытаскивание из воды].

Тетрадон находился в маленьком пятилитровом аквариуме.

– Надо убить животину, чтоб не мучилась. – Сказал Валерка, понимая, что лаборант Серёга и пальцем не шевельнёт, чтобы покончить с мучениями рыбы.

– Валерий Николаевич, – Серёга, когда придумывал какую-то свою новую фантазию, всегда обращался к Валерке якобы официально и, изложив фантазию, ждал возражений. Он не сильно печалился, когда самые простые возражения не оставляли от его фантазии камня на камне. Камни фантазий – они ведь не тяжелые. Можно собирать следующую фантастическую конструкцию.

– Ну? – ответил Валерка в ожидании. Серёгины фантазии иногда были интересны, вот только его многозначительные паузы слегка раздражали. Особенно, когда Валерка был вынужден отвлечься от и без того скучного занятия.

– Валерий Николаевич, а почему коровы не летают?

Валерка хорошо знал Серёгины выверты, работали они вместе уже семь лет, и Валерка понимал, что в таких вопросах Серёга всегда прятал какой-то подвох.

Серёга умел прятать подвохи. Но какой подвох может быть в вопросе из анекдота? «Хорошо. Хорошо. Хорошо, что коровы не летают» – сообщил Алексей Максимович, попав под голубиный «обстрел».

– Высоты боятся.

– Да ну тебя. Ты не выкручивайся. Почему? Серьезно.

– Ну..., потому, что их кости и мясо много тяжелее воздуха.

– А почему они эволюционно не выработали механизм возможности полета? Дало бы это им эволюционное преимущество?

– Так эту экологическую нишу заняли птицы. – Сказал Валерка, ехидно хихикая тому, что уже сумел увернуться от пока еще неизвестной западни, и теперь Серёге придется выкладывать свою фантазию без попытки представить весь мир олухами. – И разговор непрофессиональный.

– Ещё как профессиональный. Ни у птиц, ни у летучих мышей нет никаких возможностей накапливать большие количества метана, а у растительоядных (у коров) есть.

Тут Серёга сделал, злившую Валерку, паузу. Дескать, даю тупым возможность переварить информацию.

Конечно, Серёга так не думал. Это Валерка знал. Но Серёга любил эффекты.

– Вот если бы корова создала у себя на спине карман, куда отправляла бы произведенный в её желудке метан. Она бы облегчила возможности своего передвижения. А она только пукает этим парниковым газом.

– Это уже не ихтиология и гидробиология, и наша кафедра коровами не занимается – хихикнул Валерка, помянув, известную обоим, историю, случившуюся с Серёгой на первом курсе.

На первой же лекции, по физиологии беспозвоночных, замдекана биофака Пилипенко сообщал молодым студентам, что эволюция не имеет обратного хода. И это один из постулатов материализма.

– А неотения? – Неожиданно просто, как в беседе, перебивая лектора, спросил Серёга.

– Что – неотения? – переспросил Пилипенко, не ожидавший ни вопросов, ни каких-то зававок в этом общем месте лекции.

– А что если аксолотль начнет эволюционировать, не переходя в стадию саламандры? Через пару десятков поколений никто и не узнает, что стадия саламандры существовала, а значит эволюция дала задний ход.

Хоть Пилипенко и не ожидал на первом занятии от первокурсника ничего подобного, он был опытным преподавателем. И он обошел эту зававку так:

– А мы, какой предмет изучаем, товарищ студент? – И сам же ответил – физиологию беспозвоночных. А Ваш аксолотль – позвоночное. Так что не будем отвлекаться.

Серёга иногда любил вспоминать этот забавный эпизод, когда они – он, Валерка и замдекана Пилипенко, пили пиво у канатной дороги, по которой часто возвращались комсомольского острова, где находился их НИИ ихтиологии и гидробиологии, в просторечье называемый «аквариум».

– Конечно, наша кафедра коровами не занимается. – Вернул Валерку, от воспоминаний, к теме разговора, Серега. – Тут Вы, Валерий Николаевич, совершенно правы! Ты, когда описывал версии попадания своей медузы в Днепр, что предположил? Тайфун? Смерч? А какие на Украине тайфуны? А давай предположим, что существовал вид медузы, который накапливал метан, а не углекислоту, как сифоновые, чтобы быстрее, в случае атаки хищников или еще чего, всплывать к поверхности. Нормальный эволюционный ход? А потом, в развитии этого механизма, стал подниматься в воздух, чтобы покинуть выемки рифов, пересыхающие при отливе. Нормальный эволюционный ход? Но ничего подобного не найдено. А какие принципиальные могут тут быть препятствия к такой эволюции медузы?

Тут опять Серёга сделал паузу и подошел к аквариуму с подышающим тетрадоном.

– Вот смотри, – Серёга взял шланг от стоящей рядом водородной горелки, наполнил водородом полиэтиленовый пакет. Затем неожиданно ловко зацепил сачком тетрадона, вбросил его в этот пакет снизу, и опять пустил туда газ.

– Так он из-за твоих опытов подышает?

– Не трогал я твоего тетрадона раньше. – торопливо сказал Серега – Мне эта идея сейчас в голову пришла.

Тем временем тетрадон в полиэтиленовом мешке начал раздуваться, превращаясь в шарик размером в теннисный мяч.

Серёга перевернул пакет и открыл его.

Тетрадон, не подавая признаков жизни, медленно поплыл к потолку.

Серёга поймал его сачком и опустил в аквариум так, чтобы сачок не дать тетрадону всплыть на поверхность.

– А теперь попробуем сделать то же самое с твоей медузой.

И вот, Валерка сидел перед майором КГБ с ощущением, что ему нужно срочно доказать, что он не велосипед. Это не казалось ему простой задачей.

– Кандидатская диссертация – не докторская, и не должна быть построена исключительно на оригинальных идеях. – Спокойно, с подчеркнутой отстраненностью, ответил Валерка майору Абрамову. «Фиг он подкопается. Вечно они не тех ловят». На то, что его кандидатскую кто-то прочтет, Валерка совершенно не рассчитывал. По поводу диссертаций даже ходила похожая на анекдот история. Что кто-то, в середине диссертации, вписал номер телефона и объявление, что первому, кто в течение года позвонит по этому телефону, будет вручен ящик коньяка.

Не позвонил никто.

– А чья это идея, Валерий Николаевич?

– Эта идея взята из курсовой работы студента четвертого курса ДГУ («вечного студента», – добавил про себя Валерка), лаборанта лаборатории гидробиологии, Сергея Ростовцева, с его согласия.

– Вы, видимо, неправильно меня поняли, Валерий Николаевич, – удивленно усмехнулся такой официальности ответа майор Абрамов. – Мы не ведем никакого следствия по поводу Вашей диссертации. Нам нужна Ваша помощь, как специалиста.

– Специалиста в чем? – растерявшись от неожиданного для себя поворота разговора, спросил Валерка.

– Дело в том, Валерий Николаевич, что по пресноводным медузам в нашей области... и практически во всей восточной Украине, диссертация есть только у Вас. И еще просьба... Познакомьте меня со студентом четвертого курса ДГУ, лаборантом лаборатории гидробиологии Сергеем Ростовцевым... можно с его согласия.

«Вот память. – Подумал Валерка, – Он даже порядок слов сохранил».

О том, что он сам помнил порядок слов, Валерка не задумался. Такое представление сотрудников лаборатории стандартно, особенно при смене начальства. А оно, начальство, редко долго оставалось начальством.

Когда они приехали на аквариум, Серёга сидел у окна, глядя куда-то поверх пляжа, а перед ним была открыта Микология.

– Вот, знакомьтесь, автор идеи о летающих медузах, лаборант Сергей Ростовцев.

– Здравствуйте, Сергей!

Серёга вопросительно посмотрел на Валерку, скосив глаз на майора в штатском.

– Майор Абрамов. – представился кагэбэшник и протянул руку для рукопожатия. На мгновение замешкавшись, Серёга пожал руку и представился.

– Я хотел бы, Сергей, подробно узнать, как Вы пришли к идее, что медуза могла перелететь в Днепр и к тому, что медузы могут летать?

Валерка прокрутил у себя в голове, какие мысли могут прийти Серёге. Когда вопрос задает майор в штатском, Серёга должен был бы подумать о возможной биологической диверсии врагов страны, империалистов.

Серёга посмотрел на Абрамова. Прищурился.... Валерка уже знал этот прищур. Сейчас будет лекция, и можно начинать конспектировать.

– Понимаете, товарищ майор, у нас все, кому не лень, поносят теорию эволюции....

– А я считал, что теория эволюции полностью принята научным миром... ну, по крайней мере, у нас в стране.

– Для студентов она принята... ну, как гипотеза, заменяющая божественное творение. Но ведь профессионалы ее не с гипотезой Бога сравнивают? А по многим направлениям теория эволюции в том виде, в котором она на сегодняшний день существует, дает результаты,

не согласующиеся с реальностью. Так вот, не желая возвращаться к гипотезе божественного творения, я начал размышлять не над тем, что природа-эволюция создала, а над тем, чего она не создала из того, что обязана была создать, если бы теория Дарвина была верна.

Ведь есть множество механизмов, которые природа могла бы создать с легкостью, но которые не возникли.

Можно бы вытащить некоторую частность из гипотезы Бога и предположить некоторую генетическую предрасположенность к одним мутациям и сложность возникновения других. На самом деле, ничего мистического и божественного в этом нет. Мы оцениваем сложность эволюции некоторого признака по внешним факторам, не учитывая, что, возможно, структурное расположение генетического материала делает простыми мутации отдельных участков ДНК и сильно защищенными другие участки.

Но тут есть одно, НО! Как бы ни была низка вероятность события в единичном случае, при достаточно большом количестве проб вероятность стремится к единице. Вероятность 100%. Тогда мы, сравнивая вероятность частного события в случае его наличия по факту, с отрицательным натуральным логарифмом из предполагаемой вероятности....

– Стоп. Стоп. Я не предполагал такое математическое исследование....

– Это из самого начала курса мат-методов в биологии... – съязвил Серёга – О предполагаемых сроках возникновения маловероятных признаков...

– И все же, нельзя ли как-то проще? – спокойно, с улыбкой, а вовсе не обижаясь, попросил Серегу Абрамов.

– Попробую. Но отметьте себе, что проблемы здесь есть. В общем, чтобы пощупать такую не произошедшую эволюцию, я решил придумать некоторую альтернативную экосистему, где применил бы гипотетически возникшие эволюционные преимущества. Тут ведь могло случиться, что какой-то полезный, на первый взгляд, признак разрушит всю экосистему. Ну, научись тундровый олень летать, для отсева больных особей нужны были бы летающие волки? Но у волков дефицит с метаном, они ведь не ягель едят?

Предположим, возникли бы полярные орлы? Но олень большая мишень и малоподвижная в воздухе. Появись птица способная начать на него охоту в воздухе, она бы истребила оленей на раз. Кроме того, фактор человеческой цивилизации. Разве стали бы люди разводить скот, который в состоянии от них улететь? Вы не задумывались, почему куры и индюки более распространены в разведении, чем утки, и гуси? Летающему оленю, так работает эволюция, для здоровья нужно летать, как уткам и гусям плавать. Иначе болезни.

Так вот я начал придумывать экосистему... вернее даже экосистемы и... понял, что слабоват. Тут нужен институт. Но для того, чтобы найти некоторые мутации организмов, которые не разрушили бы существующую экосистему, вполне можно задуматься и самостоятельно.

– К чему такая работа? – Продолжал Серёга. – Ведь если доказать, или хотя бы показать причины, по которым выгодные видам мутации были отвергнуты в результате отбора в экологической системе, теорию эволюции придется признать самым закостенелым скептикам. Ну, я имею в виду ученых.

Хорошо бы тогда, подумал я, привязать гибель динозавров, не к каким-либо метеоритам или биологическим катастрофам, типа покрытосеменных растений, а к развитию... к дальнейшему развитию полезных мутаций динозавров, отвергнутых экосистемой. Это дало бы возможность считать организмом не отдельного динозавра или человека, и даже не их популяцию, социум – а экосистему. Так экосистему мы бы приравняли... ну до некоторой степени естественно, к господу Богу.

Я Вам описал мотивы поиска. Теперь сам поиск:

Наиболее наблюдаемыми для человеческой психики признаками, является способ передвижения. Способы общения, скажем, ультра-инфразвуками, запахами, которые могут обнару-

житься у каких-то существ, нужно искать. Тогда как любое передвижение заметно даже наблюдателю, не являющемуся специалистом.

Мы даже можем млекопитающее видеть, как рыбу, если оно плавает. Вот я и начал придумывать такие положительные признаки для отдельных видов, которые не разрушили бы существующую экосистему, а значит, особи, наделенные этими признаками, не были бы экосистемой уничтожены.

Пристально осмотрев выражение лица майора Абрамова, который слушал внимательно и не перебивал. Серёга, ухмыльнувшись, добавил.

– Ну, вот представьте, что Вашей печенке, хорошо бы быть в два раза больше, тогда она намного легче будет справляться с алкоголем, и ее клетки не будут гибнуть. Но ресурсы Вашего организма на такую печенку не рассчитаны. Да что там печенка. Жир, подкожный жир тоже очень полезен. Но ведь нет у Вас животика?

– Если бы был, – улыбнулся кагэбэшник, – меня бы заставили его сбросить. Но пока я никак не ухвачу связь с медузами.

– Ну, вот как раз у медуз, есть все причины летать. Причем это их свойство никак не может вступить в противоречие с экосистемой, поскольку они не являются питанием и сами не могут... так мне кажется, не могут, питаться воздухе. Насыщенность воздушной среды микроорганизмами значительно меньше, чем у водной среды. А медуза для питания, фильтрует среду. Медуза лишена возможности быстрого перемещения, или хотя бы быстрого маневрирования, она охотник, но питается, находя пищу чисто вероятно. Она ведь не прыгает на рыбу? У медузы существуют определенные аналоги скелета, что позволяет предположить возможность в эволюционном развитии, сформировать структуру пригодную к целенаправленному перемещению. У медузы есть половое размножение и метаморфоз, позволяющие ей достичь высоких параметров изменчивости. А это гарантирует возможность быстрого распространения благоприобретенных признаков, что особенно важно при высокой изменчивости. У медузы развитая нервная система и бесподобная защищенность. Это гарантия стабильности, что в свою очередь сохраняет благоприобретенные признаки. При этом трудно назвать воздушную среду новой экологической нишей для медуз. Они с ней параллельны. Она для них, как гиперпространственный переход, в фантастике. Если бы я был фантастом, я бы даже предположил возможность существования цивилизации медуз. У них возможен развитый социум. Города, построенные их полипами, которые мы наблюдаем как острова – серьезная база для возникновения социальности. И т.д. А что, между прочим, так даже планктон, веслоногие ракообразные копеподы *Anomalosora ornata*, умеют летать. Они способны перелетать по воздуху до 17 сантиметров. Расстояние в десятки раз превышающее длину их собственного тела. Особи развивают скорость до 0,66 метра в секунду, применяя эти способности для ухода от хищников. Летают все. Есть летающие млекопитающие, земноводные, пресмыкающиеся... Растения и то летают.

Но летающих медуз не обнаружено.

Тут следует напомнить, что времени у медуз, на такую эволюцию, хватало. Их класс «Гидроидные», чуть ли не самые древние многоклеточные организмы, с дифференциацией клеток и полным жизненным циклом, включающем метаморфоз. И если бы не катастрофы, потрясавшие планету, сейчас, в покрывающем Землю океане, кроме медуз обитали бы только эволюционировавшие мечехвосты, да еще ракоскорпионы. От катастроф, медузы пострадали никак не меньше динозавров. Но у них была уйма времени и побудительных факторов. А они не летают.

– А как же медуза, открытая Валерий Николаевичем, попала в Днепр?

– Ну, можно предположить, что это произошло, как разовое событие. Какой-то пионер привез из малосоленого моря, Азовского моря или другого водоема, воду, а его мама не раз-

решила ему делать аквариум дома. Глядишь лет через десять и популяция. Никаких биологических диверсий для этого не нужно.

Валерка ухмыльнулся тому, что просчитал эту мысль Серёги. А что же ему еще думать?

– Значит медузы, все-таки не летают? – Грустно спросил Абрамов.

– Почему, не летают? Летают. Но полет этот пока зафиксирован только в воде. А чем вода, отличается от воздушной среды? У сифонофор и маргеллофидов, это такие медузы, есть даже специальные органы. Называются пневматофоры. Пневматофоры, прошу прощения, как наша попа, снабжены сфинктером. По необходимости газ из них выходит. И это не атмосферный воздух, не водород и не метан. Это углекислота, которая тяжелее воздуха, но легче воды. Эволюции достаточно наполнить пневматофор метаном или водородом, что не сложно. У сифонофор, разнообразные механизмы передвижения. Тот же пневматофор может служить парусом. Кроме того, считается, что медуза..., большинство медуз, либо перемещаются вместе с массами воды, либо с помощью «зонтика». Но посмотрите сюда...

Серёга подошел к небольшому аквариуму, который казался пустым, но был разгорожен перегородками из толстого полиэтилена, и в перегородках были прорезаны отверстия разной величины и формы.

– Вот, знаменитая медуза Валерия Николаевича Хлызова – сказал Серёга, выставя кусок коричневого картона за аквариум. Потом он ткнул пальцем в один из углов аквариума, где можно было скорее угадать, чем увидеть маленький полупрозрачный организм. Именно для того, чтобы это было видно, Серёга и закрыл заднюю стенку.

– Так вот, – продолжил Серёга – не делая никаких видимых движений, медуза перемещается в ту часть аквариума, где есть корм.

Серёга зацепил сачком из старого капронового чулка, какую-то муть, в стоявшей рядом банке, и вывернул сачок в противоположном углу аквариума.

– Никаких течений тут нет – сказал Серёга, когда медуза начала медленно, очень медленно, но заметно подниматься от дна и в сторону перегородки – и никаких движений «зонтиком» она тоже не совершает.

– И что же ее может двигать?

– Дело в том, что под зонтиком находится кольцо нервной ткани. По нервам бежит ток, а происходит это безобразие, в магнитных полях Земли и Солнца.

– Это установлено, или Вы так думаете?

– Я так думаю, поскольку особенно убедительных, других причин мне в голову не приходит, а в литературе, об этом я пока ничего не нашел. Рабочая гипотеза.

– Ну ладно ребята – Абрамов обращался уже и к Валерке, доставая какие-то бумаги. Валерка даже удивился переходу на такой неформальный тон – Я уже понял, что попал, как раз к тем, кто мне нужен. Вот подпишите расписки о неразглашении и поедемте, я Вам кое-что, надеюсь для вас интересное, хочу показать.

Разглашать в закрытом для иностранных туристов, Днепропетровске некому, и такие расписки были чем-то вроде условности. В СССР и без расписок трепаться вредно для здоровья.

Валерка вывел майора и Серёгу в демонстрационный зал и «на минутку» зашел в преparatorскую.

Валерка чувствовал себя каким-то чужим, на этом празднике треп Серёги. Ведь как раз к тем выводам, к которым Серёга приходил, он приходил, нападая на него, Валерку, своими перпендикулярными фантазиями. Валерка не потерпел бы, чтобы его использовали как боксерскую грушу. Но Серёгу битье не интересовало. Серёга никогда не пытался возвыситься над кем-то. Он сражался с фантазиями в мире этих же фантазий, поэтому Валерка, никогда не обижался. Не обижался даже тогда, когда попадался в умело расставленные логические ловушки.

Но ведь и Серёга, никогда не объяснял ему всей концепции, как сделал это для майора. Наверно считая это настолько очевидным, что Валерка должен был всё сам понимать.

– Осёл! – Даже буркнул себе под нос Валерка, об этом Серёгином убеждении.

К майору Серёга, конечно, снизошел, как к неспециалисту.

Майор держался достойно. Он не впал в панику по поводу явно провокационных фраз Серёги по поводу Бога или экосистемы в его роли. Серёга его явно провоцировал. А что Серёге? Из лаборантов выгонят?

Валерка взял сумку с инструментами. Анализаторы щелочности и РН, пара термометров, никогда не мешали, и уж о малом наборе отверток и ключей с пинцетом и скальпелем, говорить не приходилось. На дне его кожаной сумки валялись сачки разной ячеистости с телескопическими ручками, катушка нейлонового тросика, для ремонта сетей, кусок парусины, для ловли дафний, гвозди, гайки... Обычный набор ихтиолога.

Валерка сунул в карман и спектроанализатор, над которым последние дни еще немного повозился. Лупы у Серёги всегда по карманам, поскольку он все любит в увеличенном виде. В последний момент, Валерка сунул в сумку толстенную тетрадь, пару карандашей, вдруг нужно будет провести какие-то наблюдения. Их же зрителями зовут, значит нужно быть во всеоружии.

Когда он вышел, Серёга с Абрамовым стояли перед аквариумами в демонстрационном зале. Серёга вешал майору свою любимую «лапшу» о том, как золотые рыбки попали в Европу, и за что английская королева даровала пирату Дрейку звание сэра. «Лапша» была полной, но экскурсантам очень нравилось. С полной доверчивостью на лице внимал ей и майор.

«Что-то уж сильно доверчиво» – подумал Валерка. Надо предупредить Серёгу, что майоры КГБ, не девочки с радиозавода.

– Я готов – сказал Валерка, поймав удивленный взгляд майора.

«Наверно подумал, что я в туалет ходил»

Абрамов зашел к директору аквариума, на позвонить. Так он сказал. А Валерка с Серёгой спустились на первый этаж, перешептываясь и обмениваясь сомнениями о том, зачем они понадобились КГБ, да еще в связи с летающими медузами.

– Может, где урожай медузы побили? – пошутил Валерка.

– Или машину кого-то из ЦК, обгадили... сверху.

Ангар

Вы золото искали в туалете?

Алмазы находили на полях?

А ведь чудес полно на этом свете.

Такими тайнами наполнена Земля!!!

Майорские жигули приблизились к какому-то ангару, за шинным заводом.

Майор остановил машину. Перед въездом. Он не выходил из машины и даже не пикнул клаксоном, но дверь начала медленно раздвигаться. Он въехал в открывшийся проем, и они очутились на небольшой стоянке автомобилей размещившейся передней части ангара. Задняя часть была закрыта стеной из ржавого листового железа. Около единственной двери в эту закрытую часть стояла пара мужиков в промасленных робах с зыркающими взглядами и дымящимися папиросами.

Майор предъявил мужикам удостоверение, один из мужиков кивнул, и Валерка с Серёгой, вместе с майором прошли вовнутрь.

Заходя в эту дверь, Валерка ожидал увидеть людей в белых халатах, вход в подземелье... Ну а зачем тогда расписка?

Но этого не было.

Посреди плохо освещенного ангара стояло нечто напоминающее огромный бак-тазик, выкрашенный грунтовкой, высотой с три-три с половиной метра и лестницу, ведущую наверх, к краю «тазика».

Сверху на площадке, которой заканчивалась лестница, стояло два мужика, и девчонка.

Они тоже поднялись вверх по лестнице.

– Ну, здравствуйте, Валерий Николаевич и Сергей Юрьевич. – Полковник Тимошук смотрел на них, слегка улыбаясь. Видимо их лица выдали какую-то озадаченность. – Видимо вы думаете, что полковники КГБ спать не смогут, если не пошатаются по помойкам, чтобы половить сумасшедших изобретателей? – весело крикнул Тимошук – Нет товарищи! У полковников КГБ, дела поважнее. Вот посмотрите вниз.

«Тазик» был в диаметре метров шесть, семь. Внутри лежало нечто напоминающее крышку тазика, но меньшего размера и с неровностями. Никакого впечатления лежащая внизу «крышка» на Валерку не произвела.

– Видимо, «летающую» тарелку Вы представляли иначе? – Уже ехидно поинтересовался Тимошук, не усмотрев в их глазах никакого восторга.

– Наверное, по тому, что она не совсем летает – демонстрируя свою невозмутимость, ответил Серёга.

Валерка вообще перестал, что-либо соображать. Даже закралась мысль, что в КГБ свои интриги и этим ребятам понадобилось сварганить что-то удивительное. Наверное, он бы создал чего-нибудь более впечатляющее. Может для этого его и позвали? Но зачем тогда, фигурально, но честно выражаясь, здесь «безрукий» Серёга? И причем здесь летающие медузы? С «тарелки» их, что ли раскидывали?

– А чего она здесь, в ржавом грунтованном корыте? – спросил он неожиданно для себя.

– Да так уж получилось. – Тимошук говорил уже серьезно. – Зависла она на высоте полтора метра над очистными, ну где вы газы меряли, и висела. Мы ее сюда ночью отбуксировали. А тут она почему-то на брюхо легла. Не сразу. А вас мы сразу задержали, поскольку думали, что вы ее видели. Уфологи значит. И пришли место исследовать. Я бы этих уфологов.... А тут мы соскоб, анализ, то есть с нее взяли. И вот, познакомьтесь, наш химик – Владимир Антонович Иванов, микробиолог Яна Григорьевна Петрова, Валерий Николаевич Сидоров – тут Тимошук обращался уже к Владимиру Антоновичу и Яне Григорьевне – гидробиолог, и биолог широкого профиля Сергей Юрьевич Павлов – Представил Тимошук Валерку и Серёгу.

Валерка хихикнул про себя: «Сидоров и Павлов» вместо Хлызова и Ростовцева. Впрочем, Серёге с новой фамилией повезло. «Иванов и Петрова» наверняка такая же конспирация. Конспираторы, твою мать.

– Так вот – продолжал Тимошук – Владимир Антонович и Яна Григорьевна утверждают, что анализ соскоба, взятого с этого объекта, соответствует клеткам медузы. Ну, что молчите, не перебиваете? Что скажите?

– А нельзя ли разобрать эту штуковину, – Валерка показал на «тазик» – чтобы посмотреть на объект поближе?

Если бы еще вчера ему, ... скажем Серёга, нафантазировал, что он будет рассматривать объект, названный кем-то «летающей тарелкой», то он бы отнесся к такой фантазии как к фантазии. А сегодня без всякого, «ух ты!!!» он рассматривал этот объект. И хотя его называли «летающей тарелкой» воодушевления не было.

– Деловые. – Усмехнулся майору Абрамову, полковник Тимошук. – Ну, тогда попейте чаю.

Предложение попить чая, шуткой не оказалось.

В помещении, в которое они вышли из задней части ангара, напоминало широкий коридор. Там были стол, стулья, газовая плита с эмалированным чайником, и большой кулек из

серой бумаги в которую обычно заворачивали в магазинах колбасу, но с прекрасным песочным печеньем.

– Допуск к объекту ограничен – сказал Тимошук, ставя чайник на плиту так, что сами все будем делать. Пока разберут ограждение, и закипит чайник, жуйте печенье.

– А если допуск ограничен, может нам помочь? – Спросил Серёга.

Валерка про себя хохотнул. Серёга, когда надо было что-нибудь делать руками, обычно даже не знал, где взяться.

Хохотнул, но уже вслух и Владимир Антонович (Володя).

– Тут же у нас секретность. Тех, кто разбирает – не видим мы. И они нас не знают.

Володя по виду, был их ровесником.

А вот Яна, выглядела как студентка или даже выпускница школы. В общем, «комсомлка спортсменка красавица». Роста она была не высокого на метр шестьдесят, и выглядела очень хрупкой. Из-под тонкой кофточки, выступали ключицы. Глаза у нее были темные, точнее Валерка разглядывать не стал. Волосы тоже были темные, стрижкой под мальчика и слегка вились. Валерка питал слабость к хрупким женщинам. Но Яна выглядела уж очень молодой. А двигалась она без всякого смущения и кокетства. «Свой парень», про себя определил ее Валерка.

– И вот еще что ребята я хочу у Вас спросить – Тимошук умудрялся пить чай из стакана, сёрбая. – Думаю тут вам посмотреть и хоть, что-то понять, чтобы нам передать отчет дальше, нужно будет пару дней... как минимум. Если еще какие спецы будут нужны, говорите. Вас Яна Григорьевна затребовала. Так что не стесняйтесь. Это работа.

Насчет летающей тарелки я почти пошутил, но висящая в воздухе такая огромная медуза, ЧП всесоюзного масштаба. Наше начальство получило указание обойтись местными силами, чтобы не возникла утечка. Москвичам верить нельзя. Они по международным симпозиумам таскаются. Но вот какие справки вам на работу дать, чтобы вас не спрашивали, где вы были? Мы можем из милиции, можем справки любой больницы. Официально к Вашему руководству тоже обращаться не хочется. Может, вы отпуск возьмёте? А потом мы найдем способ, как его вернуть.

– Тут нет проблемы и незачем пока ничего придумывать. – Валерка всполоснул стакан из-под чая и поставил его на полочку. – Пока в лаборатории все в порядке и за рыбами есть, кому посмотреть. Зарплаты у нас такие, что на этой работе держатся только энтузиасты. Так что если мы скажем что были... ну на садках и проверяли инфицированность рыбы, никто не будет звонить на садки, тем более, что и там за нами никто не следил бы. Но вот через полторы недели у нас общая поездка лаборатории в поле... ну у нас так река называется, до этого времени мы и должны вернуться, чтобы подготовить поездку. Но два три дня у нас точно есть, так что если это не будет дольше, придумывать не за чем, а там посмотрим. А сейчас достаточно, чтобы я позвонил и сказал, что нас некоторое время не будет.

– А если бы Вы решили прогулять? – Сёрбнув из стакана, спросил Тимошук.

– Мы на работе, ежедневно по десять одиннадцать часов вместо восьми, за которые зарплату получаем... и в выходные. Ну, живем мы практически в лаборатории. Это все знают. Кому же придет в голову, что мы прогуливаем?

Вошел Абрамов с каким-то свертком и сказал, что все готово. Но... нужно одеть спец-одежду.

Спецодеждой, вынутой из свертка, оказались цельные комбинезоны с капюшонами, которые одели поверх одежды, плюс маски и береты, и удивительно удобные перчатки. Все было исключительно белое и плотное, и приятное на ощупь. Рукава комбинезонов, застегивались на молнию, а потом на большие зеркальные пуговицы, так чтобы полностью соединить рукава с перчатками. А на пуговицу можно смотреться как в зеркало.

«Знака качества не хватает». – Подумал Валерка – «В магазине такое, фиг купишь».

Войдя в ангар с «летающей тарелкой» Валерка, наконец, поймал ту эмоцию удивления и восторга, которая, почему-то, так запоздала. Перед ними был огромный экземпляр какого-то Сифонофора – это медуза-колония, но перевернутый наоборот и с ороговевшей сифосомой. Валерка глянул на Серёгу и понял, что тот в не меньшем восторге. Яна и Володя наблюдали за их реакцией.

«Видимо они ее такой, без «тазика» уже видели.

Ничто в сифонофоре не шевелилось, но запаха гниения, который мог быть, тоже не было.

– Так она висела? – Спросил Валерка.

– Висела. – Ответил Володя.

– Потрогать можно?

– Потрогайте – ответил Тимошук.

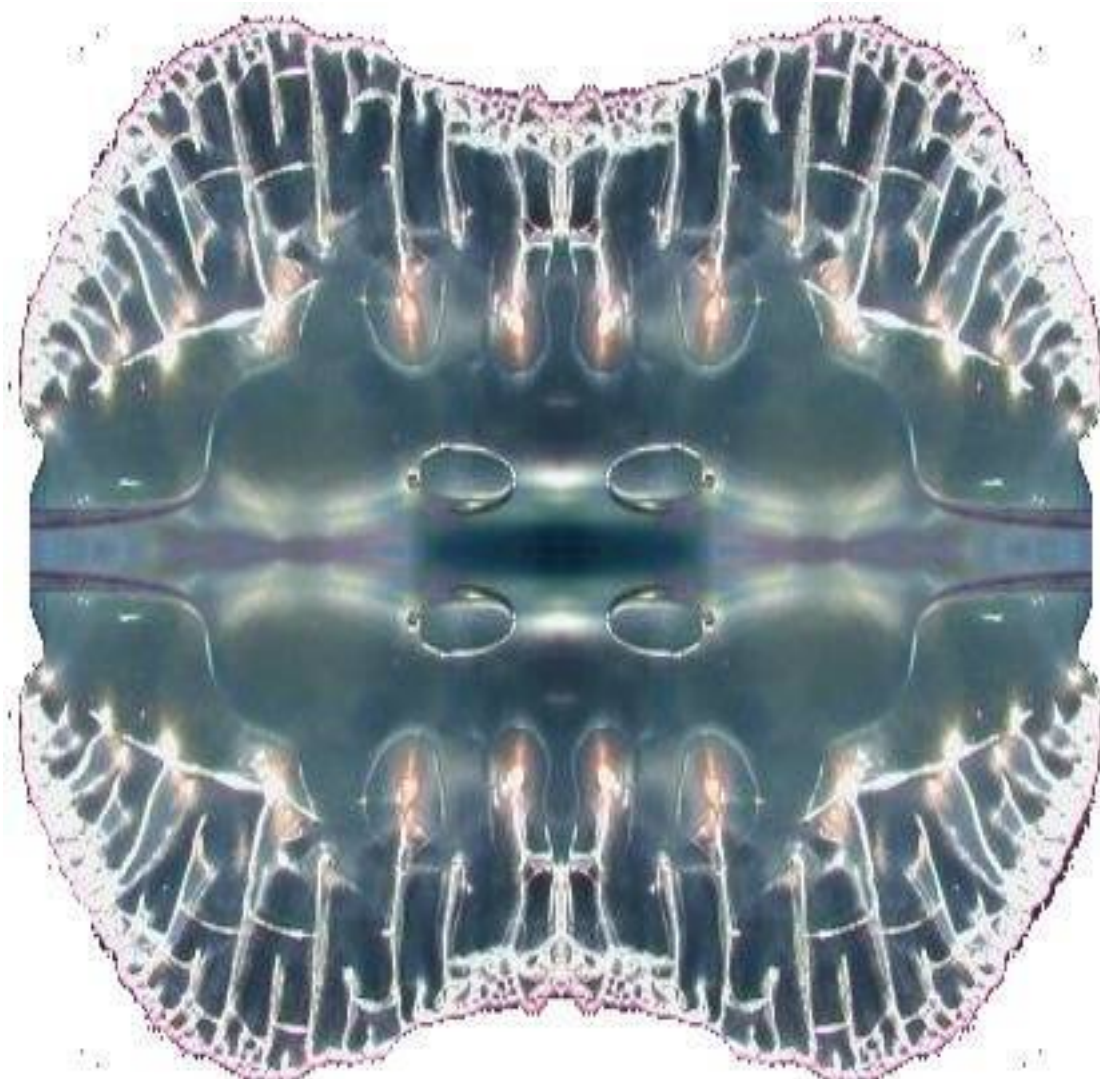
Валерка потрогал сифонофор. Он оставил ощущение абсолютной пластичной крепости. Никакой хлипкости в этом медузоидном образовании не было. Но КОРАЛ это тоже не напоминало, потому, как хрупкость тоже не ощущалась. Валерка взялся за край и слегка потянул вверх.

Сифонофор тяжело оторвался от пола. Но оторвался так, как будто его поднимали со всех сторон.

– Нужно его взвесить и вычислить объем.

– Уже – сказал Володя, и передал Валерке листок с цифрами.

Пока Валерка прикинул, чему может соответствовать удельная масса, Серёга потянул за какой-то «лепесток», сверху, но ближе к центру перевернутого Сифонофора, раздался щелчок и четыре лепестка поднялись вверх, чем-то напомнив двери открывающегося автомобиля.

Валерка вздрогнул и заметил, как все отступили на шаг назад. А Серёга наоборот потянулся вперед, чтобы разглядеть, что же открыли «лепестки».

– Ты на карусели давно катался?

Поскольку все молчали, и никто возмущения поведением Серёги не высказал, Валерка тоже потянулся вперед, и облокотившись на роговую поверхность, заглянул в открывшуюся нишу.

– Бионика – еле слышно, так, что мог услышать только Валерка, сказал Серёга.

– Красота – сказал Валерка громко.

Действительно под «лепестками» располагались углубления, куда вполне мог сесть или даже прилечь человек.

«лепесток» если смотреть на него снизу, имел замутненную матовыми разводами прозрачность.

– Клетки медузы. – Сказал Валерка, как будто размышляя, но на самом деле его слова были обращены к Серёге. Это был ответ на его замечание. Искусственный объект не мог иметь клеток.

Серёга улыбнулся, искоса глянул на Валерку. Что-то потрогал и сказал:

– Огурец. Тепличный огурец.

К тому, что потрогал Серёга, это замечание отношения явно не имело.

Валерка понял Серёгину мысль. Серёга считал, что это выращенный из клеток сифонофора летательный аппарат.

«Вот пижон» – подумал Валерка. – «Ничего не понятно, а этот уже и построил гипотезу и бросился спорить в ее защиту».

Валерка поймал себя на ощущении, что чувствует голод. Ел он часов в десять, перед тем как отправиться в КГБ. Сейчас половина седьмого вечера, а печенье хоть и вкусное, но оно к чаю, а не чтобы нажираться.

Валерка даже удивился таким своим чувствам.

Человечество на пороге больших открытий, а он только о пожрать и думает.

– А где здесь ближайший ресторан? – Неожиданно спросил Серёга. – Надо, это дело отметить.

Яна и Володя с удивлением посмотрели на Серёгу. Абрамов все это время присутствовал чисто номинально.

– Тут Вы правы. – Ответил Серёге Тимошук. – ресторана я не обещаю, а поесть, сейчас организуем. А то, – Он усмехнулся, поглядывая на Серёгин животик – Вы еще оголодаете?

Они опять переместились в загородку.

Еда, которую в корзине поставили под дверь, была действительно отменной и никак не уступала ресторанной.

Горячая жареная картошка кружочками, по огромному куску абсолютно постной говядины без всяких прожилок, соус, салат из какой-то южной фигни и свежие огурцы. Огурцы были украшением трапезы. Это не были тепличные, толстые и гладкие до безобразия, которые помянул Серёга. В этом году Валерка еще не позволял себе купить таких огурцов. В магазине их не продавали, а на рынке цены кусались. Ну и конечно прекрасный белый хлеб – паляныця.

Конечно не ресторан. Но и не столовая.

– Шампанского не будет, – сказал Тимошук, когда Абрамов, как официант распаковывал свертки с едой и тарелками – но, насколько я знаю, против пива вы не возражаете?

Как раз в это время Абрамов достал еще запотевший трехлитровый бутылёк пива.

«Следили, когда мы вышли из казарм». – Подумал Валерка.

– Как раз по стаканчику хватит. – Сязвил Серёга. – хотя мне нравится, как вы это организовали.

– Спасибо за похвалу, Сергей Юрьевич. – Сказал Тимошук улыбаясь. – Я передам начальству, что Вы остались довольны.

«Вот гад!» – Подумал Валерка – «С полковником КГБ пикируется».

– А вот спать придется по-военному. Ну, если кто устанет думать о том, что это за штуковина за дверью.

– А есть ли у кого какие соображения? – спросил Тимошук, когда с едой было покончено.

– Нужно с ней детальней познакомиться. То, что она не кусается, мы уже, кажется, проверили – ответил Валерка.

– Что-нибудь, вам для этого нужно? – спросил Абрамов.

– Несколько баллонов с водородом не помешало бы. Нужно попробовать заставить ее повисеть.

– Доставим. А что-то еще может быть нужно?

– А есть тут телевизор? – неожиданно спросил Серёга.

– Какую-то передачу пропускаете?

– Вы, наверное, когда были мальчишкой, Анатолий Иванович, писали стихи?

Такое неформальное обращение к полковнику КГБ изумило Валерку, хотя ничего крамольного в этом не было. Они же не арестованы.

– А как вы догадались?

– Какой же полковник КГБ в детстве не писал стихов? Чтоб дослужится до полковника, или хотя бы до майора КГБ, нужна фантазия. Это ведь не пехота, где одной выслугой можно взять.

– Ну хорошо, хотя на счёт пехоты я с Вами не согласен. Вопрос то, к чему?

– Была такая поэтесса, Ахматова. В школе ее не проходят...

– Я читал Анну Андреевну.

– Так вот она написала «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

– ...Не ведая стыда».

– Так вот, сор этот – это то, что в мысли автора изначально не входило. Поэт... да не поэт, для решения любой задачи выходящей за рамки заранее известных условий, необходим некоторый мусор – случайный раздражитель. Мозг и так работает, и, наверное, уже все знает. Надо только помочь ему вывести это знание в сознание. В осознание. Для этого надо дать ему за что-то зацепиться.

Тимошук почесал затылок и поморщился, глядя на Серёгу.

– Не то чтобы Вы меня убедили, Сергей Юрьевич, но телевизор – это не проблема. И четыре телевизора тоже не проблема. К тому моменту, как пиво будет допито, их привезут. Ишь, как Фрейда за Ахматовой замаскировал.

– Крутани!

В жизни множество путей.

Направлений – тысячи.

Приключений и потех,

Мы на зад свой ищем.

Тимошук уехал, а Абрамов остался.

Телевизор привезли новый – прямо с радиозавода.

Как ни странно, он сразу заработал. И телевизор уселись смотреть все. Отвлечься, действительно хотелось. Юрий Сенкевич рассказывал о галапагосских черепахах. И конечно, слоновые черепахи занимали в передаче не последнее место.

– А почему они такие медленные?

Вопрос Серёги сначала вызвал у Валерки легкое раздражение. Потом раздражение сменилось изумлением. Валерка вспомнил сегодняшнюю Серёгину лекцию Абрамову.

Если накачать под панцирь черепахи метан, передвигаться ей будет полегче. Но тогда она станет более доступна для хищников. Хотя какие хищники на Галапогоссах и с её панцирем? Хищник, только человек. Моряки использовали черепах как живые консервы. Но ведь эволюция произвела ее такой не под давлением эволюционного отбора, проводимого моряками в целях насыщения.

– Я хочу глянуть, что у этой штуки под «капотом». – Сказал Валерка – Помогите мне ее приподнять.

Валерка залез под поднятый и поставленный на стулья, вместо домкратов, диск сифонофора.

По центру там, где обычный сифонофор имел прикрепленные колонии, были гладкие округлые углубления размером в юбилейный рубль. Валерка надавил на одно из них, оно поддалось.

Из-под поддавшегося углубления, как из-под клапана, чуть зашипело, и пошла вонь сероводорода.

Валерка отпустил и «клапан» стал на место, прекратив шипение. Валерка осмотрел все углубления и увидел по краю одного из них щель. Тонкую, как волос, но щель. Валерка надавил на это углубление, оно также поддалось, но шипения не было.

Когда Валерка отпустил этот «клапан», он, шелкнув, стал на место.

Щель исчезла.

Валерка достал из кармана стеклограф, и пометил это углубление. Потом он пометил, но по-другому, то углубление, откуда зашипело. Потом Валерка попросил целый полиэтиленовый кулек, и получив его, заполнил его газом из шипящей выемки.

На анализ отдавать не пришлось. Валерка, выдавил в пробирку часть газа и вставил в свой спектроанализатор. Потом убрав из распознавания линии кремния, учтя то, что пробирка стеклянная.

Газ оказался смесью сероводорода и метана.

Все смотрели на Валерку, ожидая объяснений.

– Погодите, разберусь, все поясню. – Прокомментировал Валерка свои действия.

Сифонофору подняли еще выше, на специальные козлы, которые принесли по указке Абрамова.

Валерка подделал эту операцию со всеми углублениями, которых оказалось сорок восемь.

В тридцати девяти оказался метан в восьми сероводород и одно пустое.

– А можно раздобыть ночью баллон с метаном? – спросил Валерка Абрамова.

Через десять минут, пока прошло очередное чаепитие, баллон с метаном появился возле сифонофора.

Соорудив нехитрый переходник от тонких шлангов баллона, к отверстию в юбилейный рубль, Валерка начал закачивать метан с пустое отверстие.

Через пару минут сифонофор поднялся и повис над козлами. Валерка освободил закачку.

– А сифонофору кто-нибудь трогал, перед тем как она опустилась.

– Ну конечно. Её же привезли с очистных.

Все смотрели на Валерку как на волшебника.

Серёга потянул за край сифонофора и положил его на козлы.

Козлы убрали, а сифонофор оставался на той же высоте. Его опускали и поднимали, а он оставался в том же положении, в котором его оставили. Ни вниз, ни вверх.

– Посмотрим телевизор? – спросил Абрамов.

– Так программа же закончилась.

– Так отожд.

– Устал я что-то. – Серёга сел на край сифонофора.

Все ожидали, что сифонофор опустится, но он так и остался висеть в 25 -30 сантиметрах над полом.

Серёга забрался на сифонофор и влез в одну из четырех ниш, открытых «лепестками».

– Тут удобно. Я тут посплю. Может, какая мысль навевается.

Попробовать, как там, в нише захотели все. Через пять минут в нишах как на сидениях в карусели сидели и Володя, и Яна, и решившийся на это последним Валерка.

Действительно сифонофор напоминал карусель. Вот только, почти нарушая все законы гравитации, эта карусель висела над поверхностью как воздушный шар с управляемой высотой. И даже покачать, как качели ее не удавалось. При этом оставшийся вне «карусели», майор Абрамов легко поднимал и опускал сифонофор на любую высоту, но уложит на пол, уже не мог. А наклонить или покачать его не удалось.

– Товарищ майор – обратился так и не сообщившему свое имя отчество майору Серёга. – Попробуй нас крутануть.

Абрамов медленно повернул сифонофор вправо, потом влево. Сифонофор поворачивался, без каких-либо усилий.

– Сидеть на карусели и не покататься. Товарищ майор, крутани!

И Абрамов крутанул.

Валерка хотел крикнуть: «СТОП», но не успел.

Последнее, что успел увидеть Валерка, это коричневый потолок ил жести и металлических профилей.

Сифонофор действительно превратился в карусель. Все вокруг Валерки закрутилось, все линии металлических профилей слились причем, вращение казалось, происходило все быстрее и быстрее.

Попросить Абрамова тормознуть, Валерка не успел.

«Лепесток» над Валеркиной головой, щёлкнув, захлопнулся и перестал быть полупрозрачным.

Валерка оказался в темноте.

– Балбес! – Валерка проорал в темноту. – Крутани ему! Как теперь выбираться?

Изнутри он не мог найти ничего, что помогло бы ему открыть «лепесток».

«Надо чтобы кто-то потянул за ту штуковину, которой Серёга эти лепестки открыл – подумал Валерка. «Наверно все закрылись. Интересно догадается майор сам это сделать или вызовет кого с бензопилой?»

Валерка полез в сумку, которую автоматически таскал с собой, на ощупь достал скальпель. Он попытался нащупать щель, где «лепесток» закрывался.

Просунуть скальпель под лепесток не удалось.

Валерка сильно постучал в закрывший его «лепесток».

– Эй!

Стука он не услышал, а голос отдался эхом как в каком-то огромном зале. Но «лепесток» открылся и в нишу, где сидел Валерка, ворвался обжигающий холод.

Валерка выглянул. Никакого ангара вокруг не было. Сверху, буквально в метре над головой, был «потолок» напоминавший грязное матовое стекло, чем-то сильно освещенное сверху. Все «лепестки» открылись и на этот потолок, ощутив холод, смотрели все четверо прокатившихся на карусели.

Вокруг, насколько видел глаз, был покатый склон, и было не совсем ясно, на чем этот стеклянный потолок держится.

– Офигеть. – Дрожа сказал Володя – Где мы?

Где они, и это было понятно без всяких вопросов, не знал никто. Вопрос: «Кто виноват?», задавать так же бессмысленно. Оставался главный вопрос русской интеллигенции – «Что делать?»

Серёга словно прочитал Валеркины мысли.

– А в какую сторону нас крутанул майор?

– Против часовой стрелки, если смотреть сверху.

– Тогда бросаем жребий, кто вылезет и крутанет нас по часовой стрелке. Иначе замерзнем все.

– А по часовой стрелке, по-твоему, должно нас вернуть назад?

– Есть другие идеи? Вернувшись можно захватить, что-нибудь потеплей тому, кто останется, рацию и уж тогда разобраться. Ну конечно, если все так, как я предполагаю.

Комбинезоны были, конечно, плотные, а когда их застегнули молниями оказалось, что не так уж холодно

Валерка полез наружу.

– Эй! Это неправильно, сказал Серёга и тоже начал вылезать.

– Давай оглядимся.

Яна, слушала этот диалог и глядела на Сергея и Валерку как на сумасшедших в сумасшедшем доме.

– Вы можете сказать, где мы и что произошло?

– Мы не в ангаре, возле шинного завода. – Ответил Серёга. – Мы его покинули. Если бы не время, прошедшее с момента начала вращения, я бы предположил, что мы в какой-то из подледных ниш Антарктиды.

– А что в Антарктиде есть подледные ниши?

– Еще не обнаружены, но принципиальных препятствий к этому нет. Сверху лёд. Склон ведет, к какому-то подводному озеру, которое лед как линза вытопил из себя. Но возможно, мы совершили космический перелет на Европу (это такой спутник) или прыгнули во времени, хотя такого и не бывает.

– Бросаем жребий или нет?

– Между кем?

– А кто не согласен? Так есть шанс у всех, а так ни у кого.

– А какие есть гипотезы по поводу происшедшего – спросил еще сильно дрожащий Володя. – Что случилось?

У Валерки и Серёги дрожь практически прошла.

– Ну выдавай маэстро. Какие предположения? – Обратился Валерка к Серёге.

– Если...если это Антарктида или ниша в Сибири, хотя я таких не знаю, и не гипноз, не галлюцинация, то наш сифонофор стартовал со скоростью близкой к скорости света, по магнитным линиям, то есть так, чтобы мы не чувствовали ускорения. Тогда изменение его массы и размеров могло снести весть ангар к чертовой матери и даже иметь характер взрыва.

– То есть, ты хочешь, чтобы мы все вернулись на пепелище, где нас никто уже не знает?

– Во-первых, даже если предположить, что Абрамов погиб, Тимошук о нас знает. А Тимошук не сторож на складе телевизоров.

Валерка заметил, как Яна побледнела.

– В любом случае еще не ясно кому повезет – тому, кто вернется или тому, кто останется.

– Ну, тому, кто останется, сладко не будет.

– А где теплее, снизу или сверху?

Холодный воздух идет вниз. Но линза работает сильнее там же. Сейчас май. И вопрос, южное это полушарие или нет?

– А почему вы уверены, что это Земля? Или что эта Земля 20 века – вмешалась в спор Яна. Если принять предположение по поводу скорости света, то мы можем быть, где угодно.

«Ух ты» – Подумал Валерка – «Такие фантастические предположения... от девочки.... И никакой истерики».

– Да. Скорость света почти как Бог. Делает бесконечными количество рассматриваемых вариантов.

– Давайте бросим жребий. – Сказала Яна. – Все-таки, шанс.

Жребий брошен

Обещаем мы себе

Не жалеть о прошлом.

Но случается в судьбе,

Что немного можно.

Бросили жребий, договорившись не перебрасывать.

Жребий выпал на Серёгу. Валерка был уверен, что жребий выпадет на него. Но уж раз договорились...

Валерка отдал Серёги своё самое драгоценное – сумку, и когда залез на свое место, снял и кинул ему свой комбинезон

– Я за 20 -30 секунд не замерзну.

Серёга, казалось, даже не расстроился выпавшим жребием, и Валерка даже прочел на его физиономии: «Ну, давайте уже скорее, а то у меня планы на этот вечер».

– По часовой стрелке поехали...– Серёга крутанул сифонофор за край, но вместо того чтобы закрутиться как карусель сифонофор отбросило метра на три в сторону.

Кто же так крутит.

Валерка выскочил из сифонофора и быстро одел лежащий на камнях свой комбинезон.

– Залазь.

– Да не крутится он.

– Ща. Закрутится.

– Он не крутится, но внутрь я не полезу. Пусть ребята летят, а мы, если хочешь, здесь вдвоем перезимуем. Ты с сумкой расставаться не захотел?

– Ладно. Приготовьтесь. – Сказал Валерка Яне и Володе.

– Погодите.

Теперь Яна быстро сбросила свой комбинезон и бросила его к ногам Серёги. Володя последовал ее примеру, правда, на пару секунд задержавшись.

– Только скорее, а то мы здесь околеем.

– Ща. С двух сторон и когда закрутится падай вниз.

Последняя фраза предназначалась Серёге, который к концу ее произнесения уже держал сифонофор за другой край.

– И раз – скомандовал Валерка. Но ему показалось, что он пытается раскрутить скалу, а не висящий в воздухе объект.

Вращения никакого не было. Сифонофор подвинулся сантиметров на двадцать влево, в ту сторону, в которую Валерка пытался его раскрутить. Видимо он это сделал посильнее Серёги. Но других результатов не было.

– Давай поднимем его повыше – предложил Серёга.

Они подняли его чуть выше, но это тоже ничего не дало. По часовой стрелке сифонофор вращаться не желал.

– Может, против часовой? – Предложил дрожащий от холода Володя.

Яна испугавшись, что Сергей и Валерка выполняют его пожелание, юрко выскользнула из сифонофора, и дрожа, стала одевать комбинезон.

– Нет, с меня хватит. Будем выбирать ножками.

– Ладно. Если доберешься, сказал Валерка Володе – поторопи помощь.

– И раз...

И они с Серёгой вновь крутанули, но уже против часовой. Эффект оказался тот же самый. Сифонофор категорически отказывался вращаться.

Володе вернули его комбинезон.

Экскурсия

Как всё же счастлив тот

Без всяких исключений

Кто ищет, тот найдёт

На жопу приключений

Так уж сложилось в их группе, что лидером стал Валерка. Серёга советовал. Они так привыкли. Это они всегда составляли списки, что кому брать в экспедицию и где делать привал.

Причём, в этом двуедином руководстве, Серёга всегда выступал с предложениями, а Валерка их утверждал. У самого Валерки предложений не очень и было, а вот Серёгу с его фантазиями, заносило в несусветные дали, откуда приходилось возвращать его на грешную Землю.

Сейчас, по предложению Серёги, утвержденному Валеркой, они топали вниз по абсолютно голому каменистому склону.

Валерка присматривался к Яне. Первые интонации истерики исчезли совсем и ни оханий, ни аханий от нее он не слышал. Ровное рабочее отношение к происходящему.

Конечно, и у него в душе периодически вспыхивала искра ужаса, и хотелось выкрикнуть: «– Пи...ец!!! Неужели это не сон?»

Но то, что это не сон он понимал хорошо, а значит нужно принимать происходящее, как данность.

Когда-то в детстве, десятилетним, осенью, в непогоду, он заблудился в лесах своего родного Вольска, и умудрился попасть в трясину.

Он тогда уже попрощался с жизнью, но не запаниковал. Он периодически кричал, стараясь, как можно меньше двигаться.

Тогда был сильный ветер, и надежды на то, что услышат крик, никакой.

Трясина тянула его медленно. Когда его шандарахнуло по голове, он совсем поник. Мало того, что он в трясине, но его еще сверху судьба, толстой веткой решила добить. Только потом, через несколько долгих секунд, он понял, что судьба подарила ему спасение. Шишка на голове прошла через неделю, а ветка была такой, что ему удалось выбраться из трясины.

С тех пор он всегда старался смотреть, куда вступает. И по лесам гербарии не собирал. Принципиально.

Но Серёга, гад, его на этот раз опередил своим – «крутани».

Серёга был неустрашим своим оптимизмом, граничащим с идиотизмом, поскольку, не смотря на весь свой материализм, верил в судьбу и в то, что до 2018 года он доживет. Откуда взялась эта цифра, Валерка не знал, но сама цифра секретом не была. А потому, Серёга все происходящее воспринимал, как неприятности, явно неугрожающие его жизни. Ведь до 2018 еще гулять и гулять.

А вот Володя, хоть и не ныл, но выглядел совершенно подавленным. Скажи ему лечь и дожидаться смерти, ляжет и будет дожидаться.

Но Яна?

Сейчас под комбинезоном не видно даже намека на ключицы, но думая о Яне, Валерка их все время видел перед собой.

Валерка отогнал это видение. Его градусник был предназначен для воды и начинался с четырех градусов плюс. Наверху температура была явно ниже. Топали вниз, а не вверх, потому как вверх был лед и шанс выбраться на заснеженную поверхность Антарктиды в мае, что для северного полушария была равно ноябрю за полярным кругом, удовольствием большим не казалось. А внизу могла быть талая вода. Ведь куда-то лед подевался с того места, по которому они шли. А вода, если все-таки температура в плюсе, это растения. Растения – это костер. Растения – это возможно какая-то живность.

Не умирать же от безнадёги, в конце концов?

Кроме того, расстояние между каменистым склоном и ледяной крышей этой бесконечной пещеры, при движении вниз увеличивалось.

Склон был пологий и не мешал быстрой ходьбе.

То ли они согрелись от ходьбы, то ли действительно стало теплее? Даже трудно переносивший холод Володя, перестал дрожать, заговорил увереннее, и умирать уже не собирался.

Решили остановиться на предположении, что они в Антарктиде. Причем в западном полушарии, поскольку солнце сквозь лед, означало день. Валерка скептически относился к

этим предположениям Серёги, Какой же может быть день, в Антарктиде в мае? Но нужен был хоть какой-то план действий. Потому, как даже очень плохой план, лучше никакого.

Спуск стал более пологим, а ледяной потолок тут был значительно выше и у них появился некоторый обзор. Пока он составлял километра полтора. Серёга через каждые метров двести складывал пирамидки из камешков. Вдруг придется вернуться.

Появилась и зелень. И Валеркины градусники заработали.

Через час «экскурсии», так Серёга называл их путешествие, появились маленькие лужи и снизу, в нависавший лед, врезались скалы. Видимо эти скалы как колонны и поддерживали ледяной купол от обрушения.

Сам купол резко ушел вверх и если бы не скальный рельеф, то можно было бы видеть достаточно далеко.

Теплеть стало значительно резче и еще через полчаса, градусники показывали 15 градусов.

– Ветра нет. Вот и обмена воздушными массами нет. Поэтому наверху так холодно.

– Скалы мешают обмену – отпаривовал Валерка Серёгиной реплике. Иначе теплый воздух стал бы быстро перемещаться вверх, а холодный наоборот. Как раз тогда появился бы ветер.

– Давайте сделаем привал. – Сказала Яна. – Нужно оглядеться и прийти в себя.

Предложение возражений не вызвало, вот только привалиться не к чему. Скалы. Поверхность скал кое-где была сухой, от стекавших по ним капелек, но у самой земли сухого места обнаружить не удалось. Решили осмотреть две ближайшие скалы. Ложиться прямо на грунт, психологически напрягало.

Но скалы находились в метрах ста друг от друга.

Поэтому решили разделиться. Валерка пошел с Яной, а Серёга с Володей.

– Вообще-то – сказал Яне Валерка, когда они прошли половину расстояния до «своей» скалы – конспирация, наверное, потеряла смысл. Моя фамилия Хлызов, я...

– А я думала Вы один из учеников Хлызова. Я читала вашу диссертацию, поэтому и «заказала» кого-нибудь из группы Хлызова.

– Вы получили всю группу. Но видимо, тот кусок, который Вас заинтересовал, продиктован Серёгой.

– Я уже догадалась – И Яна, как-то ласково улыбнулась Валерке.

Они подошли к скале и начали ее обходить снизу.

Валерка внимательно осматривал растительность в достатке присутствующую на скале, мох на сухих и сине-зелёные водоросли на мокрых частях камня, не вызывали никакого удивления. Но вот у подножья скалы Валерка увидел *Cladonia giferina*.

– Яна! – С некоторым волнением сказал Валерка. – Я нашел ягель.

– Я тоже кое-что нашла – сказала Яна, и Валерка подумал, что она не поняла значение его находки. – Посмотрите, Валерий.

Там куда показала Яна, на высоте метров двух, был каменный порожек, а над ним зияла темная пустота.

Валерка решил отложить объяснение всей важности своей находки на потом. Найдя пару подходящих выступов, он полез наверх.

Темное углубление, было не столько пещерой, сколько впадиной. С правого края, с самом низу довольно глубокой впадины, образовалось полутора метровая «чашка» с талой водой. Причем были видны ручейки, которые ее наполняли и те, которые ее опустошали. А вот по краям этой – пещеры впадины, были, испещрённые мелкими бороздками пересохших ручейков. Были акже и козырьки от полутора до двух метров.

– Ну что же, – подумал Валерка – нормальное место для привала и разведбазы. И главное ягель. Ягель означал жизнь. То есть, есть можно и сам ягель, что не вкусно, но возможно, но раз есть ягель, есть и пищевая цепочка.

- Ну что там? – спросила Яна снизу.
- Тут наша база – усмехнувшись и спускаясь, сказал Валерка. – Пошли за ребятами. Серёга и Володя шли навстречу.
- Смотри, это случаем не ягель? – Серёга протянул Валерке кусок мха.
- Ягель. *Cladonia rangiferina*. – улыбнулся Валерка. – Видимо в недостатке этого растения проблемы не будет.
- Значит, с голоду не помрем.
- Это можно есть? – спросила Яна с удивлением, переходящим в недоверие.
- Можно есть, все что есть – хихикнул Серёга. – А ягель есть.
- Мы нашли место под базу – Сказал Валерка. Это большая овальная выемка в скале, с большой лужей талой воды, по центру.
- А зачем база в скале? – спросил Володя. – Там наверняка более сыро и холодно.
- Входное отверстие не очень велико, метров шесть ну и метра два в высоту. И хотя внизу пещеры трещины, если закрыть вход, то ее вполне можно обогреть.
- Какой ты говоришь вход? – С горящим взглядом спросил Серёга? – Пойдем, глянем.
- И Валерка понял. Нет, Серёга все-таки гений. Он не видел этой пещеры и не видел козырьков по бокам, но только услышав размер входа, сразу построил некоторую осмысленную гипотезу.
- Ты думаешь...? – спросил Валерка.
- Я думаю, что не зря же я отмечал дорогу.
- Вы это о чем? – спросила Яна. – Вы телепатией не владеете, случайно? Я еще там заметила какие-то странные у вас диалоги.
- Нет, телепатией мы, слава Богу, не владем – Валерка представил, какой это кошмар, читать все Серёгины мысли. Но мы привыкли друг к другу. Серёга, как я понял, хочет притащить сюда наш летательный сифонофор и втащить его в пещеру.
- Зачем?
- Ну, может, удастся разобраться, как оправиться назад.

Шпаргалка

- Скажите в сей же час,
О Маска, Вы удача?
Позвольте трахнуть Вас?
– А по мордам, как сдача?

- Серёга стоял перед скалой в молчаливом недоумении.
- Я вот думаю, яка я освидчіна людина. И що? Це допоможе?
  - [– Я вот думаю, какой образованный человек. И что? Это поможет? – суржик – комментарий читателя]
  - Об этом Валерка почему-то сразу не подумал. Ну конечно, и Серёга и остальные, не особо напрягаясь, один раз справятся с подъемом. И два раза справятся...
  - Ну, значит, построим лестницу.
  - Небольших камней действительно хватало, но сейчас действительно хотелось отдохнуть.
  - Серёга все-таки заглянул в пещеру и охнул, увидев козырьки.
  - А я и не знал, как ты догадался? – сказал он, глядя на Валерку. – А тут, шпаргалка.
  - Серёга очистив ямку на более-менее освященном месте, бросил туда сухого мха. Потом извлек большую лупу, улёгся рядом и стал ловить фокус, пытаясь разжечь.
  - Ты пальцем попробуй, если где-то будет горячо...

– Ага. У меня пальцев всего десять, чтобы костры ими прикуривать. – Сказал Серёга, но палец под лупу, все же, поставил.

– Есть же спички.

– Ну, это пока, проба пера. Нам здесь костер не очень и нужен.

Валерка неожиданно понял, что потеплело. Ему даже стало немного жарко в комбинезоне. Он глянул на градусник. +17.

Значит, теплело не от того, что они спускались, или не только от этого, но и от солнечных лучей, пробивавшихся сквозь лед.

– Да. – как в ответ его мыслям сказал Серёга. – В Антарктиде сейчас полярная ночь.

– Значит мы не в Антарктиде? – С какой-то непонятной надеждой спросила Яна.

– А что, от этого легче?

– Ну. Не знаю. – Яну то ли смутил сам Валеркин вопрос то ли немного насмешливый тон, которым он был задан.

– Если предположить, что наше путешествие, по времени происходило менее полугода – мы не в Антарктиде.

– Наше «путешествие» происходило менее пяти минут. Я случайно заметил время, посмотрев на часы перед «Крутани». – Уточнил Володя, который все это время казалось, уже спал свернувшись калачиком.

– Это субъективное время. – Ответил Серёга – Хотя предполагать путешествие во времени, оснований нет. Вот только я себе не могу представить, где в Канаде, или Гренландии, может быть такой артефакт. Но ведь путешествие во времени невозможно? Мы же не в научной фантастике, а в реальном мире?

Осмыслив бессмысленность своих попыток сфокусировать шедший сверху свет, Серёга спрятал лупу в карман и развалился на спине, как будто загорал.

– А почему невозможно Сергей Юрьевич?

– Яна. А можно бестактный вопрос? Сколько вам лет?

– А Вам?

– Мне тридцать три.

– А мне двадцать восемь.

– Двадцать восемь?! Мой любимый возраст.

– Почему?

– Я когда-то... в двадцать четыре года, отдыхал в санатории Алушты. Буквально за два дня до окончания путевки, встретил замечательную женщину. Ее звали Ольгой. Ей было двадцать восемь лет.

– Ну, хорошо, хоть не Яной звали, а то я бы подумала, что вы ко мне пристаёте.

– История с Яной, была у меня в шестнадцать. Это романтическая сказка. Мы отдыхали в палаточном городке в Кирилловке. Это на Азовском море. Но ей было девятнадцать.

– Вы любитель курортных романов?

– Это не я. Это девочки. Девочкам нравится узнавать что-то новое. А я быстро надоедаю. Валерка обалдел. Этот гад, начал охмурять Яну. В наглую пикирует.

– Вы не производите впечатления обиженного женским вниманием.

– Так вот о возрасте. Может нам, нам всем, пора перейти на менее формальную форму общения. На «ты». Вы, конечно, не выглядите на 28...

– Старше?

– Не напрашивайтесь на комплимент. Вы знаете, что намного моложе. Так как на счет перейти на «ты»?

– Согласна. Сегодня я уже узнала, что Валерий, это и есть тот самый Хлызов...

– А как ваша фамилия?

– Моя фамилия Абрамова. Я дочь майора Абрамова, чтобы не было недомолвок.

– Моя фамилия Ростовцев и твой папа, не смотря на свою профессию, произвел на меня благоприятное впечатление.

– Значит все-таки несмотря?

– Несмотря. А Вы как хотели бы?

– Значит, Яна, в это путешествие, – Валерка был ошеломлен – нас оправил Ваш папа?

– Но он же не знал. И я о нём беспокоюсь больше, чем о себе. Вдруг наш отлет был взрывом? Но мы вроде договаривались перейти на ты? Мой папа, как и вы привлечен КГБ. А вообще он доктор цитологии. Защищался в ЛГУ. А майор, потому, как майор запаса войск гражданской обороны. После аспирантуры ему присвоили.

– Представляю, каким ослом я выглядел, разговаривая с ним как с недоучкой.

– Не волнуйся, он не обидчив.

– Скажите, а Тимошук, Вам... тебе, не дядя?

– Нет. Но тут я знаю, никак не больше вашего. Предполагаю, что он занимается явлениями, выпадающими из общего ряда. Ну там, «летающие тарелки», «Йети». Меня ведь тоже первый раз привлекли.

– А я, – неожиданно сказал Володя – окончил химтех и выиграл десяток олимпиад за рубежом. А поскольку вел я себя там подобающим образом, меня уже лет пять, периодически привлекают, как эксперта. Когда какое-то вещество установить надо.

– А мы, с Валерием Николаевичем, попались на очистных, где проверяли новый прибор.

– А что за прибор?

– А вот он – Валерка достал из сумки спектроанализатор и стал объяснять его принцип действия.

Через минут пятнадцать, Валерка проверил термометр. + 18.

– Пора попытаться притащить сюда нашего сифонофора. – Скомандовал Валерка и они пошли вверх.

Очень хотелось есть. Попытка пожевать ягель, успеха не принесла. Горький он был до ужаса. Видимо голод ещё не достиг той силы. Но все периодически пробовали это делать. Нужно будет научиться его заваривать. А пока пару килограмм собранного лишайника, Валерка замочил в одной из проточных луж, слегка придавив камнями. Тундрового опыта у них не было.

Они шли уже больше часа, а температура и не думала падать. Но комбинезоны КГБ, казалось, готовы к любому перепаду. После первой дрожи, когда они прямо из мая попали в зиму, все время было вполне комфортно. Один раз они сбились, и Валерка хихикнул над Серёгой (точно зная, что это скорее для себя, чем для него), но Яна немедленно вступилась и сказала, что только благодаря Серёге, у них в новом мире, появилась первая известная дорога. Валерку это немного царапнуло. Та улыбка, которую ему подарила Яна, казалось, что-то обещала. Ну вот ..., может она решила, что Серёга слабый и защищает его, из материнского инстинкта. А он умеет с инстинктами разбираться.

«Черт побери – подумал Валерка – неужели я ревную? К Серёге?»

Ну, поехали

Романтично так, на лошади верхом.

Или в самолёте, где летели...

Мне о том, расскажите потом

С женщиной, уютней мне в постели.

Когда они подошли к оставленному сифонофору и попытались его толкать, то обнаружили что занятие это весьма утомительное. Сифонофор, висевший в тридцати сантиметрах над поверхностью и в метре от ледяного потолка, двигался туда, куда его толкали, очень легко, даже приходилось его придерживать, но он двигался вперед по какой-то странной траектории. Расстояние от поверхности ледяной пещеры увеличивалось незначительно, но по мере роста ее высоты росло. Сифонофор двигался на одном и том же расстоянии от ледяного потолка.

– Так – вдруг сказал Серёга остановившись. – От работы кони дохнут. Стоп господа.

– Есть идеи – спросил Володя.

– Есть. Я тут, когда мы первый раз спускались, видел плоские камни. Меня интересуют наиболее тонкие образцы, подъемного веса и с большой поверхностью. Нужно минимум четыре.

– На памятные таблички? – то ли шутя, толи грустно отреагировала Яна.

– На весла.

Тут уж и Валерка, привыкший к перпендикулярному мышлению, обалдел. Ну, а почему не попробовать. Только в отличие от идеи, которую высказал Серёга, Валерка размышлял, как практик.

– Не надо искать камни. Погодите немного.

Валерка достал из сумки три сачка с телескопическими ручками, куски парусины, проволоку и изоленту.

– Вот. – Сказал он минут через десять. – Не весла, но и не камни.

– Класс! – «Класс!», обычное слово, которым Серёга всегда отмечал Валеркину работу. Была ли это прокладка текущего крана или еще чего. Серёга всегда восхищался тем, чего напрочь был лишен сам. – Ну, а теперь по коням?

Они забрались в сифонофор.

Поскольку поворачиваться сифонофор отказался, получилось, что с одной стороны в нужном направлении «греб» Валерка, а с другой, Серёга и Володя.

Но грести оказалось просто. Без ветра сифонофор двигался в нужном, задаваемом ему направлении.

Он двигался почти над землей, держа от нее определенное расстояние, но оно постепенно увеличивалось.

– Это какая-то функция расстояний от пола до потолка – прокомментировал это изменение уровня Серёга.

Сифонофор плыл над поверхностью.

– По крайней мере, нашли способ путешествовать не ногами. – Прокомментировала положение Яна.

Володя молчал.

Валерку, который сам был молчуном, молчаливые рядом раздражали. Он привык ориентироваться на реакцию.

А если реакции не было?

– Я вот все думаю... – начал свои обычные рассуждения Серёга

– А ты не думай – хихикнул Валерка.

– Это же мы, как воздушный шар летим? Что же сифонофор не летит на одном уровне или кверху, или к низу, а выбирает какую-то странную функцию высоты? И почему он остановился, там, где остановился? Может у него, где ограничитель расстояния до верха и до низа есть?

– Хочешь сказать измеритель клиренса от пола и потолка?

– Хочу знать, как он это делает. Компас, если предположить, что он по магнитным линиям ходит, это север и юг, а не вверх-вниз. Где у него глаза, что он пол и потолок видит.

– Ну, и где у него глаза? Ты же что-то предполагаешь.

– Конечно. У него где-то стоит эхолокатор. Это мы думаем, что он сифонофор. На самом деле это летучая мышь. Вернее, воздушный шар, с органами летучей мыши.

– То есть, он все-таки живой?

– Был бы он живой, он бы нас уже переваривал. Это как погибший рапан, в котором кроме шума моря нет ничего. Вот как этим шумом управлять?

Валерка понял, что мяч перешел на его сторону. Научиться чем-то управлять, это его задача.

Задача была поставлено конкретно, и у Валерки, не любившем абстракций, сразу начала работать конкретная программа.

Тем временем сифонофор плыл уже в метре или даже чуть более, над поверхностью.

– Суши весла – скомандовал Валерка.

Все перестали грести по воздуху.

Сифонофор проплыл по инерции метров двадцать и остановился.

– Давайте попробуем направить наш корабль в одну из скал.

Попробовали. На расстоянии метра от скалы сифонофор резко снизил скорость и на расстоянии 20-25 сантиметров остановился как вкопанный. А от скалы, шел легко в любом направлении.

Отгребли от скалы.

– Давайте теперь попробуем ее раскрутить. По часовой, если смотреть сверху. На меня. И будьте готовы к полету.

К их удивлению вращение по часовой стрелки получилось, но оно только опустило сифонофор, но не до конца. Попробовали вращать в обратную сторону. Сифонофор стал подниматься и поднялся так, что вытянув руку, можно было дотронуться до ледяного потолка. Но на этом подъем закончился.

– Так какого..., он не вращался там, наверху?

– Там он остановился, потому что ни сверху, ни снизу, не было достаточно пространства, которое он отслеживает.

– А как он туда попал?

– Это таки вопрос.

– Короче, – сказала Яна – мы имеем управляемый летательный аппарат, на весельной тяге. А где бы теперь едой разжиться? Может там внизу чего есть? Может там и для меня «весло» найдется.

Они продолжили спуск вниз, стараясь четко запоминать приметы. Каменных заметок теперь никто не оставлял. И «весла» нашлись.

Чуть ниже, того места, где Яна увидела пещеру, лежал скелет, какого-то большого... очень большого животного. Даже не скелет, а его останки. Но по останкам можно предположить, что это кит.

– Ихтиозавр – сказал Володя.

«Что химик может понимать в ихтиофауне?» – подумал Валерка.

Они опустили сифонофор и сошли.

Кости были сухие и легкие. И обломать несколько остистых отростков, большого труда не составило. Это было как раз то, что нужно для весел.

Валерка обратил внимание, что Серёга тоже молча, пропустил замечание Володи. А ведь мог и лекцию зачитать, об отличиях скелета млекопитающих.

– Так это действительно ихтиозавр? – спросила Яна.

– Не берусь утверждать – с иронией сказал Валерка – но это скорее походит на скелет белого кита.

– Давно здесь лежит – с интонацией стариков из «Белого солнца пустыни», прокомментировал Серёга. – А вот как он сюда доплыл? Но это ответ, на Земле мы или нет. Если, конечно, не предположить, что это белый кит, с другой планеты.

Вопрос о времени смерти кита, тоже интересовал и Валерку. Лежит ли он здесь с того времени, когда здесь было море, или это место периодически морем заполняется? Есть ли отсюда выход в море, и бывает ли прилив? Нужно быть осторожными.

– Проход к морю, конечно, есть – как будто прочитав Валеркины мысли, сказал Серёга. – Но возможно он под водой. И попал он сюда не приливом. Никаких следов водорослей.

– А какие водоросли в антарктических водах? – спросил Валерка.

– Ну, какие-то, наверное, есть.

– Тут достаточно влажно...

– Валерий Николаевич, если будет прилив, нас опять отбросит на верхотуру.

– С условием, если воду наше средство воспринимает как твердый объект.

– А если да, – вмешалась Яна – то должен быть выход по суше. Иначе, как эта штука сюда прилетела?

– А если вода не воспринимается, как твердый объект, то есть шанс утопнуть.

Они продолжили двигаться вниз, но благодаря новым «веслам» воздухоплавание было достаточно эффективным. Валерка прикинул, что они летели километров восемь в час, совершенно не напрягаясь.

Склон стал совсем пологим, и даже трудно было сразу понять, есть ли склон. Ничего нового им на глаза не попадалось, а начинало темнеть.

– Заночуем здесь...? – то ли спросил, то ли проинформировал, Валерка.

– Я бы проверил, войдет ли сифонофор в базу – ответил Серёга.

– Какие еще будут предложения? Ну, раз нет, полетели.

– Я чувствую себя ведьмой с метлой. – Сказала Яна – очень уж горек, этот ягель.

Назад двигались еще быстрее. Валерку очень интересовало, как сифонофор будет входить в пещеру. Будет сопротивляться, или место создано для него.

Когда приплыли к пещере, темно по-прежнему не было. Значит Арктика. На остановках днем, набрали высохшего мха, и сейчас надеялись развести костер. Хотя надежды согреться у такого костра мало.

За день они уже достаточно научились управлять сифонофором, поэтому большого маневрирования не потребовалось, чтобы завести их летательный аппарат в пещеру.

Валерка представил, как бы Серёга карабкался сюда без сифонофора, и ему стало смешно.

– Поворачиваем.

Они повернули сифонофор по часовой стрелке так, чтобы он опустился так, что края стали напротив козырьков.

– Так это специально для нее пещера? – изумленно сказал Володя, увидев, как точно на место стал сифонофор.

– Так для этого и вернулись.

– Что ж вы молчали? – спросила Яна.

– Разве? – Тут Валерка подумал, что они с Серёгой со своей привычкой общаться друг с другом так, чтобы очевидные вещи не произносить, действительно поступили некорректно. – Извините ребята, это мы привыкли конспирироваться. Любой НИИ это паучатник..., то есть, как пауки в банке. Мы привыкли к такому языку. Это без какого-то злого умысла.

– Ну, смотрите мальчики. Последний раз. Иначе все доверие растеряете.

– Так, а что это означает, что это место для этой штуки предназначено.

Володя видимо думал, что это от него скрыли.

– Я, лично, этого не знаю. За новыми гипотезами это к Серёге.

– Я думаю, мы промахнулись. Сифонофор изначально целился в эту пещеру, но что-то ему помешало.

Думаю, мы имеем дело с принципиально другой формой технологии. В этой технологии нужный инструмент или устройство выращивается.

Я когда-то думал о такой возможности. Мне кажется, это дает серьезный выигрыш в ресурсах, но громадный проигрыш во времени. Как мне кажется..., казалось, никаких машин времени существовать не может, потому, как самого времени (то как оно постулируется) не существует. Существует некоторая скорость, или градиент (это тоже вторая производная) изменения событий, участвующих в причинностях пространства.

Сейчас я предполагаю, что эта цивилизация, с которой мы встретились, свое время делает коротким, в то время, когда свои технологические процессы, она оставляет в обычной скорости изменения событий. Ну, типа, посадил дед репку. Зевнул дед, а репка уже выросла большая пребоольшая.

Главный недостаток такой формы жизни в том, что ее легко атаковать другим формам. Кажется, у Ефремова есть такая штука, называется, если я ничего не перепутал, «Глиняный бог». Там за несколько столетий статуя, которая как оказалось живая, протянула руку. Нет. Не помню, откуда это. Но, иначе, уж очень медлительная цивилизация.

– А может они как грибы, и спешить им некуда? – ответила Яна.

Ледяной океан

*Выбираем странный путь
От желаний страстных
Даже просто намекнуть
Женщине, нам страшно.*

День выдался еще тот. Все очень устали. И не сговариваясь, то ли не желая отдыхать на камнях, а может в надежде на чудо или на всякий случай, залезли в ячейки сифонофора. Валерка чувствовал себя очень голодным, но даже размоченный ягель есть не хотелось. А варить из него кисель, не было кастрюли. Он расслабился и перестал слушать разглагольствования Сергея. Сказать тому было нечего, и он выдавал одну идиотскую гипотезу вслед за другой. А Валерка точно осознавал, что данных для построения хоть какой-то релевантной гипотезы совершенно нет. Поэтому он пропускал этот треп мимо ушей, и не заметно для себя задремал.

Проснулся он от ощущения какой-то перемены.

Сверху было голубое небо, и было так тепло, что он вспотел.

Валерка глянул на ячейки ребят и увидел, что они тоже удивленно смотрят вокруг.

– Ты тоже все проспал? – Спросил Серёга.

– Вы тоже спали?

– Увы.

Под ними вдаль, до горизонта и во все стороны тянулся синий океан. Но что-то с океаном было не в порядке. Он был, как будто покрыт льдом.

Валерка присмотрелся, но не смог определить, ни высоту их полета, ни даже скорость.

Никакого ветра он не ощущал и возможно они просто висели над ледяным покрытием.

– Я брошу вниз пятак, узнаем, как высоко мы находимся – сказал Володя.

Валерка понял, что до сих пор не окончательно проснулся.

Он обалдело смотрел на окружающее, когда Володя предлагал, как это все исследовать.

– Кто-нибудь представляет, что произошло?

– Не я. – ответил Серёга – Когда ты задрых, мы еще минут сорок разговаривали, а потом меня жутко потянуло в сон...

– Я уснула минут через десять после того, как Сергей... ну может через пятнадцать.

– А я, наверно уснул во время разговора.

Тут Валерка заметил, что комбинезоны у всех расстегнуты. Действительно было жарко.

Но под ними, похоже, был лед, хоть и очень странный. Никакой структуры. Никакой отметины. Поэтому и нельзя было определить на какой они высоте.

– Пятак, конечно не жалко, но что это даст? Мы из-за краев даже не увидим его полета. У меня с собой метров десять нейлонового тросика, я сейчас привяжу к концу гайку, и мы узнаем выше мы, чем на десять метров надо льдом, или нет. А потом попробуем пойти на посадку.

Но гайка, переброшенная через край, висела, это Валерка чувствовал по ее весу совершенно свободно. Он бы подумал, что они находятся на высоте в несколько километров, над поверхностью, тогда была бы понятна такая гладкость структуры, но горизонт был так далеко и высоко, как будто они находились рядом с поверхностью.

– Только не прыгайте – услышал Валерка чей-то не знакомый, низкий, слегка скрипучий голос.

Рядом с ними повис такой же сифонофор, как тот, в котором они сидели. Только в одной из ячеек сидела женщина... Валерке показалось, что женщина, хотя явные отличия отсутствовали. У «женщины» были волосы до плеч, но разные пряди разного цвета. Были черные, а были пшеничные, волосы создавали ощущение какой-то неопрятности. Был у нее узкий крючковатый нос. «Баба яга» – подумал Валерка, хотя на вид, по стандартным меркам, созданию было лет 40 -50, не больше.

– А что нам делать? – спросил «женщину» Володя.

– Ничего делать не надо. Сядьте спиной к центру своего аппарата, и протяните ноги.

Когда они выполнили инструкцию, то их ноги, как будто провалились вглубь сифонофора, и они оказались в лежащем положении. Крышки их ячеек закрылись, и стало темно. Движения никакого не чувствовалось, и несколько минут ничего не происходило.

Потом крышки ячеек открылись и их «выплюнуло» в какую-то жидкость.

Вязкий мир

Начав, сквозь время, жизни путь

С улыбкой на лице

Боишься мы её спугнуть

Вопросом: Что в конце?

Сначала появился ужас. Они были как будто под водой. Даже не под водой, а внутри какого-то очень жидкого, и прозрачного как воздух, киселя. Они висели в нём. Но как ни странно, удушья Валерка не почувствовал. Он огляделся, кроме них и «женщины» в этом киселе плавали светло-серые гуманоиды, скорее напоминавшие кукол. Они были абсолютно безлики, то есть на их лицах не было обычных черт. На месте глаз были небольшие выемки, а там, где у людей был нос, была выпуклость. Валерка вдруг понял, что он не дышит. Он не дышит, а удушья нет.

«Может это уже тот свет?» – задал он себе вопрос.

Он висел в чём-то, как и вся остальная компания. Куклы двигались, не производя ни каких движений, а вся человеческая компания, зависла. Валерка попытался что-то сказать, но не сумел. Тут до него дошло, что говорили они при помощи колебания голосовых связок. А воздуха, чтобы эти колебания произвести, не было. Серёга видимо тоже пытался это сделать, потому, как он с выражением напряжения показал Валерке рукой вниз на сифонофор, из которого их вытолкнуло. Но сифонофора уже не было. Они висели в жидком прозрачном киселе. Двигаться они могли. В смысле руками и ногами им двигать ничего не мешало, но, ни к каким

пространственным перемещениям тела это не приводило. Валерка и Серёга были повернуты друг к другу. Видимо они развернулись, когда их выплюнуло. Яна была повернута к ним в пол оборота, и поворачивая головой, могла их видеть. Володя был повернут спиной и наверно думал, что остался один.

Через пару минут такого висения кисель помутнел, и они перестали видеть друг друга.

Еще через какое-то время Валерка увидел, как вокруг его кожаной сумки помутнение увеличилась. Он заметил, что это происходит и с его руками, и по всей коже разлилось странное ощущение, как будто его лизали тысячи тоненьких язычков. Уж не начали ли его есть, пришла Валерке ужаснувшая его мысль. Его «поедание» привело к непроизвольной эрекции, поскольку «поедали» его во всех местах сразу. Он подумал, что неплохо бы понять, что это за среда. Пользуясь тем, что руки его были свободны, он полез в свою сумку, и достав спектроанализатор, включил его.

Включение спектроанализатора произвело магическое действие. Он почувствовал движение, а потом ударился обо что-то твердое. Он понял, что он в обычной воде, потому как чуть не захлебнулся. Потом его выбросило на поверхность. Буквально через несколько секунд, на поверхности оказалась вся компания. Глаза немного жгло, но видно было все.

Вода была чрезвычайно прозрачна. Казалось дно находиться в нескольких метрах под ними. Но справа от них, сколько видел их глаз, колыхалась студенистая масса.

– Медуза – Закричал Володя, – Медуза, огромная медуза. И она нас жрала.

Они лихорадочно поплыли в сторону от этого ужасного создания.

Ужас придал Валерке, и видимо всем остальным дополнительные силы. Хотелось, как можно скорее убраться от медузы подальше.

Когда они отплыли метров на сто, к Валерке вернулась способность думать.

Держаться на плаву было очень легко. Видимо жжение глаз было из-за большой солёности воды, вкус которой Валерка ощутил на своих губах.

Валерка посмотрел на руки. Следов поедания было не видно.

Он осмотрелся.

– Вон там – сказала Яна, – кажется, что-то есть.

Там, скорее угадывалось, чем виделось это что-то.

– Может остров?

Плыть было все-таки очень тяжело. Держаться на воде труда не представляло, но каждое движение в мокрой одежде, было не простым. Хорошо еще, что комбинезоны были пропитаны чем-то таким, что не давало им намокать, и они скорее поддерживали пловцов.

Но рано или поздно, но все тяжелое заканчивается, и они добрались к тому месту, что увидела Яна.

Если это был остров, то он был достаточно странен. Его поверхность была абсолютно гладкой и напоминала тщательно отшлифованный камень.

Было тепло, но всех трясло от пережитого ужаса.

Теперь пришло время осмотреться и успокоиться.

Медуза была далеко.

Небо не было затянуто облаками и было светло, но солнца видно не было. Небесная синева, а небо было синим, казалось, не имеет границ.

– Ты что-то удивительно долго молчишь – обратился Валерка к Серёге, поскольку даже он не торопился со своими фантазиями.

– Похоже, мы были отправлены на съедение медузе, находящейся на другой планете. Хотя конечно можно предположить, что мы сильно уменьшились в размерах и воспринимаем мир иначе, чем раньше.

– Ну да – сказала Яна – уменьшились мы в размерах или нет, но мы должны были дышать, а внутри медузы мы могли не дышать. А пить хочется.

– Ну, если мы сильно уменьшились в размерах, то одной молекулы кислорода, нам бы хватило на очень долгое время.

– Ну, если бы мы могли такой большой молекулой дышать. А сейчас нам ее надолго не хватает, и мы дышим – раздраженно парировал ответ Сергея Володя, и Валерке показалось, что у него опять истерическое состояние.

– Так я и не выдвигаю это в качестве основной версии. Основная версия, так это бесполое создание, которое ты спросил «что делать» решило покормить нами свое животное.

– Так это я во всем виноват?

– Тут нет правых и виноватых. Есть исследовательская группа научной разведки. Мы на работе или нет. – Вдруг наигранно недоуменно обратился к ним Серёга, и это несколько сняло напряжение. – Может медуза хотела доставить нам сексуальное наслаждение, а вовсе не кушать. Может у нее такой метод размножения или обновления генетического материала. Может, у нас хотели взять этот генетический анализ.

Яна глядела на него непонимающе, но Валерка хорошо понял, о чем говорит Серёга.

– Медуза выбросила нас после того, как я включил спектроанализатор.

– Наверно ей не понравилось взаимное исследование.

– Скорее ей не понравилась электрическая активность.

– Что я знаю – сказал Валерка – так это то, что без воды нам канты. Давайте скинем мокрую одежду, останемся только в комбинезонах, так будет легче идти, и отправимся на разведку этого острова или материка. Раз есть вода снаружи, должна быть и внутри.

Так они и решили сделать. Мужчины отвернулись в одну сторону, а Яна в другую и начали переодеваться.

Валерка непроизвольно бросил взгляд на Яну. Ему было стыдно, но он не сдержался. «И что ты увидел?» ругал он себя после этого взгляда. Попа как попа. Обычная женская попа.

«Дурацкие инстинкты. – Думал Валерка. – Может через два часа помирать в страшных мучениях, а я подглядываю на женскую попу, как будто мальчик. Не о том думать надо!»

Когда с переодеванием было закончено, они выкрутили и связали снятую одежду и пошли по гладкой поверхности.

«Видимо дело в прозрачности воздуха – размышлял Валерка – он кажется совершенно прозрачным, но горизонта не видно.

– А почему мы не видим горизонта?

Спросил Володя.

– Утренний туман. – Ответил Серёга.

– Раз есть туман, должна быть и вода.

– Все зависит от природы тумана. Вода еще должна конденсироваться, а сейчас жарко.

Они пошли по очень пологому слону гладкого острова. Буквально через сто двести метров они встретили небольшую лужицу. Даже не лужицу, а как будто пленку воды, держащуюся на камне.

– Но вот и первая росинка – сказала Яна.

Валерка достал определители жесткости и кислотности. Они были хорошо упакованы и не пострадали от купания.

Проверив каплю, он мазнул ей по светодиоду спектроанализатора...

– Химические свойства воды в норме. Вода мягкая, как дождевая. О микрофлоре ничего сказать не могу.

– Семи смертям не бывать. – Сказал Серёга и мазнув воде палец облизал его. – Только немного солоноватая.

– А ты руки после моря помыл? Соль, в некотором смысле, антимикробное средство. Давайте пять минут за ним наблюдаем... – сказал Валерка, обращаясь к остальным.

– А чего наблюдать – сказала Яна. – Без воды все равно крышка.

Лужи хватило на то, чтобы всем сделать по паре глотков.

Валерка пил последним.

Они пошли дальше. Никаких последствий их питье не вызвало и то в одном то в другом месте они находили похожие лужицы, пока не наткнулись на тоненький ручеек.

Ручеек был странен тем, что исчезал на камнях и чем выше они поднимались по пологому склону, тем сильнее становилась эта извилистая ниточка воды.

– Солнца не видно, а камень теплый – констатировал Валерка, когда они по-настоящему напились.

– Ты хочешь сказать, что мы идем к вулкану.

– Не обязательно к вулкану, и не обязательно идем, но думаю, что мы находимся в зоне некоторой термальной активности.

– Это нас кто-то закаляет – сказала Яна – сначала ледяная пустыня, потом медленно нагревающаяся сковородка...

От этих слов все остановились.

– Так – сказал Валерка – Начинаю делать замеры температуры.

Яна оказалась права. Термометр показал температуру камня 33 градуса. Не в закалке конечно дело, но температура медленно увеличивалась, в какую бы сторону они не шли. Поэтому решили возвращаться к морю. Плот было строить не из чего, но теперь они были только в комбинезонах... в не намокающих и не тянущих на дно комбинезонах.

– Только давайте пойдем не к тому месту, где мы выбрались, а вон туда... – Серёга показал в сторону, где имелись какие-то неровности, на фоне воды и которая была еще дальше от медузы.

Когда они добрались до моря, температура камня была уже 35 градусов, но скорость увеличения температуры явно упала. Или это произошло по тому, что они находились рядом с водой. Температура воды была 25.

А пока они шли, Валерка размышлял над ситуацией. То, что никто из группы не скулил, было хорошо, но удивительно. Удивительно потому, что он то, всегда считал себя очень выдержанным, но заскулить ему хотелось уже не один раз. Но не скулила, ни Яна, ни Володя. Ну, с Серёгой ясно. Его и раньше иногда называли жизнерадостным идиотом. Пока ему не вручить в руки лопату, с заданием копать от забора и до вечера, он скулить не будет. Но Валерка с большим удовольствием, выбрал бы лопату и копал бы от забора и до нового года. Но, ни лопаты, ни забора не было. А была какая-то планета, ясно, что не Земля, неизвестно где, и неизвестно зачем. И на этой планете, женоподобное существо, говорящее на русском языке, пыталось скормить их огромной медузе. Но они же не дафнии? А эти безликие внутри медузы? Может медуза съедает, во-первых, лица. Но они двигались, а он Валерка, был, как гвоздями, прибит. И неожиданно прекративший трепаться Серёга. Может он так скулит?

– Ну, что будем делать дальше? – Спросила Яна.

«Трахать, тебя будем, поскольку ничего другого уже не осталось» – подумал Валерка. Он даже не понял, почему вопрос Яны был для него таким раздражителем. Но потом вспомнил ее белую, чистую, без единого прыщика, попу и почему-то, успокоился.

От берега, как коса уходила в море гряда каменных отмелей. Некоторые были не такие ровные, как тот остров или материк, на котором они находились. Некоторые возвышались над водой на метр или более. Гряда отмелей уходила в море далеко, к отсутствующему горизонту, и определить, какой высоты камни в дали, было почти невозможно.

– Давайте пойдем по гряде, и на каком-нибудь удаленном отсюда островке, отдохнем. – Наконец прорезался Серёга.

– Давайте – безразлично ответил Валерка – Хотя возможно нам придется не только идти, но и плыть.

«А может мы в центре Земли?» – неожиданно для себя подумал Валерка. «Солнца нет, горизонта нет, и жарко».

Он повторил эту мысль вслух.

– Зато медуза есть – Грустно сказала Яна.

– Серёга, а ты что думаешь.

– Я думаю, что нам нужно поскорее убраться в море, чтобы, как на пророчествовала Яна, нас не поджарили.

– Ты думаешь лучше, когда нас сварят? – Спросил Володя, и Валерку резанули не сами слова, но тон.

Валерка давно заметил, что у Володи какое-то неприятие Серёги. Ну да, Серёга признался, что он лаборант, а Володя или кандидат или даже доктор, а Серёга ведет себя с ним и со всеми без всякого пиетета и даже с некоторым превосходством учителя. Валерка к Серёге привык и знал, что его поза вовсе не для того чтобы унижить кого-то, а только потому, что Серёга живет, чтобы спорить и все что помогает вызвать на спор, он автоматически воспроизводит. Причем победить в споре, для Серёги совершенно не важно. Он вызывает человека на спор, чтобы найти довод или зацепку, для собственного размышления. Он и так считает себя гением и ему не нужно со стороны окружающих, никакого подтверждения этому. Но со стороны это действительно может раздражать. Тоже мне, гений-лаборант. Валерка решил вмешаться, пока маленькая искорка не разгорелась в большое пламя.

– Володя, а что предлагаешь ты?

– Я предлагаю остаться здесь, на берегу, чтобы иметь выбор, куда бежать или плыть.

– Кроме того – вмешалась Яна – там наверняка нет пресной воды.

– Что возразишь? – обратился Валерка к Серёге.

– А чего возражать? Правы ребята. Вернее, вероятность того, что они правы, наверное, выше. И еще мой учитель учил, что когда не знаешь, что делать, не делай ничего.

– Так мы пока остаемся тут? Согласен?

– И да, и нет. Вы оставайтесь здесь, я схожу на разведку. Я по гороскопу водный дракон, и вода для меня родная стихия.

– Разделиться идея не лучшая, а гороскоп оставь для поездки. ... – Валерка осекся и вдруг сообразил, что он до сих пор держит в голове поездку по Днепру. Где тот Днепр?

– Так мы не разделимся, я буду в прямой видимости.

– Темнеет – сказала Яна.

Действительно, что-то такое появилось. Не то чтобы темнело, но спадала интенсивность света и место, где должен был бы быть горизонт, приблизилось.

– Тут командиров нет – сказал Володя, Серёге. – Делай, как знаешь.

Тут уже Валерка слегка оцепенел. «Что значит, как знаешь? Что значит, командиров нет? До сего момента был, а теперь меня разжаловали?» Но сказать, что-то против, он не нашелся.

– Вот и ладно, – сказал Серёга. Если я пойму, что вам нужно плыть-идти ко мне, я сделаю рубахой так? – и Серёга покрутил свою рубашку над головой. – А если вам нужно уходить вглубь острова, я сделаю так – и Серёга помотал рубахой вверх-вниз.

Еще минут пять договаривались и придумывали условные знаки. Серёга взял собой один из термометров и пошел по гряде. Вернее, пошел рядом с грядой. Валерка понял, что что-то вдалеке привлекло его внимание, и он шел туда целенаправленно. Но что?

Тем временем уже ощутимо темнело. Через час Валерка, смотревший в Серёгину сторону, увидел, как он делает крест, взобравшись на какой-то высокий островок. Это означало, что у него привал. Тем временем температура перестала расти, и Валерка решил, что видимо это тут такой дневной перепад и что завтра, отозвав Серёгу из «разведки» можно смело отправляться вглубь их острова.

Подложив под голову то, что раньше было его одеждой под комбинезоном, он кое-как уместился на почти горячей, каменной поверхности и задремал.

Возвращение в медузу

*Бывает десять раз на дню,
Ты попадаешь в западню
Освобождаясь, ты потом
Уж не волнуешься о том.*

Валерка проснулся от яркого света, но он сразу понял, что это не солнце. Над ними висел их, или очень на него похожий сифонофор, все днище которого превратилось в какой-то голубоватый прожектор. На них упали какие-то клейкие нити, и Валерка потерял сознание.

Очнувшись он в каком-то белом, и казалось, огромном зале совершенно один. Он лежал на полу абсолютно голый и пол прогибался по размерам его тела. Определить величину зала не было никакой возможности, взгляду не за что было зацепиться.

Валерка встал и пошел в какую-то сторону. Пол пружинил под ним, чем-то напоминая мат в спортивном зале, но это был огромный белый мат. Появилось женоподобное существо, которое он уже видел. Она тоже была голая. Это была-таки, женщина. Тело было женским: гениталии, грудь. Но чего-то женского в ней не хватало. Валерка решил об этом подумать потом, если у него это потом будет.

– Как ваше имя? – Спросила женщина, по-видимому, не смущаясь не его, не своей наготой.

Вопрос Валерку скорее обрадовал. Перед тем как скормить медузе (а мысль об этом вызывала в нем животный ужас), имя знать не обязательно.

– Меня зовут Валерий.

– Где вы жили до перемещения? – тон женщины, стоявшей в двух метрах от него, был холоден, но никакой угрозы в нем не было. Но ведь и в первый раз, после которого, он оказался в медузе, никакой агрессии он не почувствовал.

Допрос, который проводила ему голая женщина, вызывал некоторое недоумение и путал мысли. Он смотрел ей в лицо, боясь опустить взгляд и начать непроизвольно рассматривать ее женские подробности.

– Я жил... – тут Валерка растерялся. Сказать на Земле? А вдруг он по-прежнему на Земле?

– Я жил в двухкомнатной квартире, в центре города.

Женщина не проявила никакого интереса к этому юмору.

– Как вы называли планету, на которой вы жили.

«Ага» сообразил Валерка, значит мы уже не на Земле.

Нужно так отвечать, чтобы получить информации.

– Мы называли это планету Земля. А почему Вы хотели нас скормить медузе?

Женщина не проявила никакой эмоции.

– Мы не хотели вам причинить неудобства, мы проводили дезинфекцию. По какой-то причине анализ микроорганизмов на вашем теле был прерван. Какова эта причина?

– А почему вы спросили меня о планете, когда вы знаете язык, на котором я разговариваю.

– Вы на нем думали. Вы напрасно не доверяете нам. Мы не хотим вам плохого.

– Где мои друзья?

– Мы сейчас к ним направимся. А где ещё один ваш друг?

«Серёга. Наверно Серёга ускользнул от них». Валерка представил поездку, которая так от них ускользнула, и в то время, когда представлял плавающего карпа, произнес:

– Уплыл куда-то.

– Пойдемте – сказала женщина. Это, оказывается, был не зал, а очень маленькая комната. Стена расступилась, и они оказались в другом помещении, куда одновременно с ними вошли голая Яна, голый Володя и рядом с ними очень похожие на сопровождающую Валерку, женщины.

Яна напряглась и сначала попыталась закрыть грудь, но оставила эти попытки, хотя ее лицо несколько порозовело.

Валерка подумал, как все-таки мужики отличаются от женщин. Ни он, ни Володя никаких попыток прикрыться даже не предприняли.

– Садитесь – сказала женщина, сопровождавшая Володю.

Валерка сразу даже не понял, но потом, увидев, как нечто подобное на табуретки выросло сзади сопровождающих их женщин, которые сели, тоже сел в пустоту, где оказалась такая же «табуретка».

Яна и Володя тоже сели.

– Вы прилетели с планеты Земля – сказала женщина, сопровождавшая Володю. Валерка обратил внимание на отсутствие, каких-либо эмоций в ее голосе и его монотонность.

«Эмоции здесь уже победили» – подумал Валерка – «А вот интересно, мужчины тут есть, или тут как на Тау-Кита, по Высоцкому?»

– Мы сожалеем. – Продолжала говорившая. – Вернуться вам на Землю нет никакой возможности. Но вашему существованию ничего не угрожает. Мы постараемся сделать так, чтобы вам было у нас удобно. Конечно, многое будет для вас сначала непривычным. Абсорбция займет некоторое время. У нас есть еще несколько гуманоидов с вашей планеты и других планет.

«Что значит «есть»?» – подумал Валерка – «Это непонимание языка или что-то другое?» Валерка построил бы фразу иначе – «У нас живут кроме ваших земляков еще несколько гуманоидов». Но фраза была как фраза.

– Вашего спутника мы не нашли. – Продолжала женщина. – Это удивительно, но он, наверное, как-то погиб. Мы сожалеем.

Неужели 2018 год был только фантазией? Валерка только сейчас понял, что Серёга заразил его этой своей уверенностью. Ему стало не по себе, хотя мысли женщины о том, что Серёга наверно погиб, еще не означает что он действительно погиб.

– На вашей планете нет одежды? – неожиданно даже для себя спросил Валерка – мы привыкли быть в ней.

– Одежда является местом, где могут собираться микроорганизмы, которые могут быть вредны вашему телу. Можете быть уверены, вы привыкнете очень быстро. У нас нет болезней и всегда чисто. Мы все, и вы сейчас совершенно чистые.

Валерка подумал о том, что он почему-то не хочет, не пить ни есть. И даже вид обнаженной Яны с ее ключицами, его не возбудил.

Вернее, в мозгу еще что-то происходило, но в теле не отзывалось.

Валерка подумал о том, как он сейчас выглядит?

Он не был стеснительным, но все же.

«Может это уже тот свет. Может они попали в рай, и эти женщины ангелы и поэтому они уже не могут вернуться?». Эта идиотская мысль развеселила Валерку и привела в чувства.

– Почему мне не хочется есть и пить? – Как будто прочитав Валеркины мысли, спросил Володя.

– Ваши обменные процессы стабилизированы, все питательные вещества вы получаете во время сна. Тогда же, вы освобождаетесь от продуктов жизнедеятельности.

– А как это происходит? – Спросила Яна.

– Не торопитесь. У вас будет много времени, чтобы ничего из происходящего ни осталось для вас удивительным.

– Нас будут чему-то учить?

– Многие абстракции вашего мира, здесь не имеют смысла для того, чтобы выразить то, что с вами будет происходить. Точнее, подходит под понятие адаптации или абсорбции.

– Поскольку вы существа социальные и живущие на поверхности планеты, чтобы не навредить вашей психике, вы будете направлены в сектор с другими гуманоидами, как только вы овладеете общим языком.

– Так нас, все-таки будут учить?

– Вам напрямую введут изменения в мозговые связи. Но это будет делаться постепенно, чтобы не повредить существующим и адаптировать их в существующую структуру. До этого, Вы будете спать еще 16 периодов.

– То есть, нам будут делать трепанацию черепа?

– Все будет происходить на химическом уровне. Вместе с питанием вы получите необходимые вещества, которые будут работать в определенном электромагнитном поле. Никаких хирургических операций у нас не применяют.

– А чем мы будем заниматься 16 периодов.

– Ничем.

Валерка просыпался уже два раза, а потом лежал, тупо глядя в потолок или ходил по своей камере. Он так стал называть свою комнату. Стен у камеры не было. Вернее, они были, но какие-то мягкие. Он мог идти в любую сторону как угодно долго, но чем дальше он шел, тем тяжелее ему было идти. Он садился отдохнуть, и опять, в какую бы сторону он не шел, идти становилось все тяжелее, и так пока он не вбивался из сил. А поскольку не было ничего, что указывало ему на то, сколько он прошел, было такое ощущение, что он шел, оставаясь на месте.

Серёга когда-то рассказывал о самогипнозе. Начитался каких-то книг по йоге и пару дней сидел в лаборатории как истукан. Потом ему это надоело, но Валерке он рассказал, что делал маятник-прожектор. Он сосредотачивался на ногте большого пальца руки, а потом бросал его на самую дальнюю заранее определенную точку.

Десяти мину таких упражнений, обычно ему хватало, чтобы начать тихонько похрапывать. Когда он просыпался, то шутил, что бросал свой взгляд в самые отдаленные уголки души.

От ничего делать, Валерка занялся этим упражнением.

Освобождение

Что есть сон? Какое-то виденье?

И бывает, мучает он вас.

Но когда проснулись с наслажденьем

Гнусный сон забыли через час.

Ему снилось, что он опять в гигантской медузе. Это был кошмар. Снилось, что рядом, на расстоянии двух-трех метров, висят спящие и голые, наполовину съеденные, Яна и Володя. Снилось, что в далекой пелене плавают безликие кукло-гуманоиды. Откуда-то издалека, кричит Серёга. Что он кричит?

Одна кукла-гуманоид пытается вырваться из медузы... Валерка вдруг оказался этой куклой, но чем сильнее он вырывается, тем вязче становится кисель, и какие-то невидимые нити, обхватывают его руки, ноги, понижают ему в легкие, в сердце в голову... струятся по каждому кровяному сосуду и уже не вырваться.

Кукла-гуманоид перестает сопротивляться и опять падает в самую глубину, а Валерка уже опять обездвижено висающий в киселе, за этим безучастно наблюдает.

И вдруг молния, и Валерку, Яну и Володю выбрасывает из тепла киселя, в ледяную воду... он тонет, задыхается, и этот ужас длится вечность. Потом Валерка видит яркие искры и туннель, идущий к свету. Там Серёга, и майор Абрамов, и голая Яна, зовут его, и он плывет по этому коридору.

– Ну, кажется, пришел в себя. – Говорит склонившийся над Валеркой бородатый питекантроп.

– Сколько пальцев видишь, герой? – спрашивает его питекантроп и показывает огромную руку с длиннющими пальцами.

– Пять – непроизвольно отвечает Валерка и снова все вокруг исчезает.

Очнулся Валерка в маленькой комнатке, в разложенном как кровать кресле. Проснулся голым. Но на крючке, торчащем из стены, висел привычный уже комбинезон и его сумка. Другой одежды не было.

Было тихо. Окон в комнатке не было.

Валерка встал, надел комбинезон и ощутил удивительное, за последнее время, спокойствие. Как будто дома. Жутко хотелось есть.

Дверь в комнатку была не заперта, Валерка вышел в коридор и пошел на запах жареного мяса, который видимо, ощутил еще в комнате.

В конце недлинного коридора, была открыта дверь, откуда раздавались знакомые голоса. Валерка зашел.

Посреди комнаты был стол, за которым сидели Серёга, Яна, Володя и питекантроп.

Валерка даже не удивился, что Серёга жив.

– Привет! – Сказал питекантроп – Садись. Разговаривать будем потом, сейчас будем кушать и пьянствовать.

Все сидящие за столом, улыбались.

Кушать и пьянствовать, было именно то, что сейчас Валерке было нужно. Принцип: «Сначала накорми, напои и спать уложи, а потом расспрашивай», был нарушен только в том, что сначала его уложили спать.

Валерка понимал, что рассказывать будет не он, а ему.

Он подумал, что интересно получается, вот он второй раз с товарищами, но они не говорят друг другу не слова. Правда обстановка этой встречи нравилась Валерке, намного больше предыдущей... Хотя в отличие от предыдущей встречи, Яна была одета. До него дошло, что на прошлой встрече у всех них была слегка голубоватая кожа. Сейчас кожа была обычной. Валерку передернуло. Только сейчас он ощутил силу того ужаса, той подавленности, которую он ощущал находясь в плену бесполой женщины.

Тем временем питекантроп, вывалил на стол целый поднос аппетитно (если не сказать больше) пахнущих кусков мяса, две миски с пучками каких-то розовых и синих растений, парящие лепешки и бутылку литра три какого-то зеленого напитка. Все сидели и смотрели, как он, как заправская хозяйка, удивительно легкими и точными движениями, поставил на стол перед каждым, пустые металлические подносы, но поменьше того, который был в центре с мясом, и зеркальные стаканы, куда сразу ловко разлил зеленый напиток.

– Накладывайте себе салаты и мясо. – Сказал питекантроп. – И побольше. Неизвестно, когда нам в следующий раз удастся пображничать. Если удастся.

Побольше накладывать и побольше есть.

Есть, видимо, полагалось руками.

Когда все загрузили свои подносы, питекантроп поднял свой стакан и произнес:

– Меня зовут Эллухьях – Но поскольку произнести последние звуки моего имени, землянам не произнести правильно, называйте меня Элл. За ваше и мое здоровье – сказал Элл, и опрокинул в себя стаканчик зеленого напитка. Все последовали его примеру.

Напиток оказался очень крепкой водкой, с привкусом каких-то цветов.

После этого, уговаривать есть побольше, уже не было нужды.

Мясо напоминало, посную говядину, но было более нежным и таяло во рту. Синие растения были каким-то видом капусты, а розовые, по вкусу напоминали лук, но совсем не острый.

– И так – начал Элл, когда все основательно наелись и напились. – Вы влипли в историю.

Вы оказались на передовой линии, беспощадной и бесконечной войны двух цивилизаций, нашей гуманоидной цивилизации и не менее древней, цивилизации медуз.

Волноваться Вам, по крайней мере, пока не о чем. Если все пойдет путем, я верну вас на вашу планету, так что никто и не поймет, что вы улетали. Но до того, нам придется отсидеться здесь, в шахте одной необитаемой планеты потому, что медузы для нашего перехвата выставили целый флот и ищут нас по всей галактике. Но можете быть уверенны, пока солдат жив, с вами ничего не случится. А я живу давно и в ближайшие тысячелетия помирать, не намерен.

А теперь вопросы.

– А поподробней узнать, что произошло, как мы влипли. А то мы всю дорогу ничего не понимаем.

– Хороший вопрос, девушка. Ладно, расскажу сначала, как я это понимаю.

Ваши ракетчики, проводили учение. Запускали ракеты, засекали и сбивали их. В это время летающая тарелка цивилизации медуз, наверное, направлявшаяся в зону высадки агентов, попала в зону обстрела и ... что очень удивительно, была сбита. Вообще-то сбить её нельзя. Она, автоматически просчитывает траекторию любого приближающегося объекта и останавливает на нем время. Объект для нее, как бы исчезает. Но сбившая их ракета двигалась по непредсказуемой даже для себя самой траектории. А для остановки времени нужно много энергии, и оно останавливается в точке. Ну а когда нельзя эту точку вычислить? Вот «тарелка» автоматически расстреляла весь свой запас энергии.

Особого вреда, конечно, тарелке касание не нанесло, но медузы свои аппараты не ремонтируют, а лечат. Они ведь не изготавливаются, как у нас или у вас, а прямо выращиваются в медузе.

Ваш товарищ, Сергей, попавший ко мне первым, рассказал, как Вы ее отремонтировали, – Эл посмотрел на Валерку. – и даже как запустили. Потом вы, видимо оказались в одном из воздушных антарктических озер. Там у медуз базы. Я давно о них знаю, но добраться туда не просто. И засечь их там почти невозможно. Но вас там медузы и поймали. Они переместили вас на свою планету и там...

– А как переместили? Какой принцип движения?

– Не морочь себе этим голову. Я солдат, а не физик. Я знаю, как это делать, а не как это происходит. То, что я знаю, что это перемещение во времени. Вперед или назад. Причем чтобы переместить объект в нужную точку, нужно сместить его по координате времени, на величину за которую свет доходит из точки «А», в точку «Б». А направление выбирается скоростью трехмерного вращения в пространственно временном интервале.

– Вы не физик, но хоть общий принцип, как это перемещение во времени. – Попросил Володя.

– Общий принцип? Да такой же, как у ваших перемещений. Только Вы воспринимаете движение во времени, как потерю КПД. Вернее потерю КПД, как течение времени. А для наших технологий, это основное движение. Секретов никаких нет, но боюсь, вы не поймете, а я не специалист по объяснениям. Вот время на двух объектах течет по-разному, если они относительно друг друга движутся с ускорением. Это Вам кажется известно.

– Известно – сказал Валерка неуверенно. Теорию относительности объяснял ему Серёга, но он так до конца ее и не понимал. Но раз Серёга молчит, значит, так оно и есть. А почему Серёга молчит?

– А раз вам это известно, то вы должны знать, что полюс и экватор вашей планеты, точки на них, движутся с разным реальным ускорением, относительно третьего тела, и одинаковым угловым. Для того чтобы система не развалилась, энергия времени накапливается в электромагнитных полях, которые время и есть.

Если этой энергией не пользоваться, то происходят прыжки полюсов и перемена оси вращения планеты. Так эта энергия сбрасывается.

А когда ваши механизмы часть энергии переводят в тепло, путём трения, вы изменяете течение времени на молекулах, куда это тепло перешло. И так далее.

Но оставим это, поскольку я уже рассказал почти все что знаю, и продолжим повествовать, что с вами происходило.

После того как вас захватили медузы, они отправили вас на дезинфекцию и абсорбцию. Дезинфекция убила все, и полезные и вредные, микроорганизмы в ваших телах, а абсорбция должна была ликвидировать ваши личности, оставив нетронутыми ваш генетический материал и биологическое устройство.

Первый раз выскочить из медузы, вам очень повезло. Я бы сказал, случилось чудо, и вы, включив какой-то электроприбор, о котором мне рассказывал Сергей, нарушили нервные импульсы медузы-матери, и она инстинктивно выбросила вас всех наружу. Хоть медузы и очень древние создания, инстинктов они не лишены.

Конечно, вас опять обнаружили и забрали назад. Но тут вам опять повезло. Сергей запрягся в выемке одного из островков, почти полностью заполненной водой. И когда вас забрали, его не заметили, хотя искали тщательно. Они как раз боялись нашей встречи. Информация, которую дал мне Сергей об аппарате и его ремонте, бесценна для меня... для всей нашей цивилизации.

«Ну да» – подумал Валерка – «ценна информация, а не то, кто ее раскопал.»

– Мой корабль кружил над планетой медуз, в надежде понять, кого они притащили с Земли. – продолжил Элл – Земля – это мой участок ответственности.

– А где сейчас ваша армия?

– Армия? Одна звездная система – один солдат. Но солдат всегда не хватает, поэтому я занимаюсь всем краем вашей галактики, 13 тысяч звезд, со стороны Магеллановой туманности... чуть-чуть левее, по плоскости метагалактики.

Конечно, в случае серьезной необходимости, мне помогут... если успеют.

Но пока такой ситуации нет. Такая ситуация возможна, но не сейчас. Медузы пытаются захватить Землю.

– Как? Они же плавают.

– И летают. Но дело не в этом. У вас на полярных шапках большое количество льда. Если его растопить, то вода покроет всю планету. Учитывая, что горы будут разъедены, вся поверхность выровнена. Вот как на планете, на которой вы были у них.

– А как они это сделают?

– Ну, во-первых, надеюсь, что не сделают.... Хотя конечно, могут и сделать. Тактика у них проста. Они, через своих агентов, женщин, помогают захватить власть корпорациям, превратив людей в нули. А корпорациям нужна власть. Корпорации не относятся бережно к экологии. Они готовы на все ради наживы и власти. В атмосфере накапливаются тепличные газы, и льды постепенно тают. Люди не могут оказать серьезного сопротивления, так как множество агентов медуз работают в единстве, а люди редко бывают едины. Они разобщены. Их разобщают.

– А агентов они на Земле вербуют или с других планет?

– Их агенты, это искусственно выращенные гуманоиды.

– Но тогда их можно отличить?

– Как?

– По крови.

– Ну да, голубая кровь? Нет, голубая кровь в медузах, а у агентов кровь обычная – красная. И генетически их не отличишь. Они бы и вашей генетикой воспользовались. Можно, конечно, заподозрить кого-то, но для точного определения, нужен точный психосоматический анализ и специальное оборудование. Измерить ИПР.

– Какой?

– Понимаете, они все женщины. Но женского у них, кроме гениталий и вторичных половых признаков, никаких. Они зомбированы. Медузы не могут позволить им инстинкт размножения, потому, что тогда, они могут стать настоящими людьми и начать действовать против медуз. Инстинкт продолжения рода (ИПР), гарантированно препятствует активным действиям, против своего вида. Уроды, конечно, встречаются, но уродов и выращивать не надо.

Рожать эти женщины тоже могут. Но у детей все в порядке. Дети обычные люди.

– А как заподозрить?

– Женщины эти, желания не вызывают. Надо хорошо выпить, чтобы вообразить, что такую рыбу может захотеться. Они это знают, поэтому создают движения феминисток.

Это не только у вас на Земле. Это общая тактика против планет заселенных гуманоидами.

Они стараются внедрить на Земле культуру бесполости, асексуальности, гомосексуализма, стараются разрушить обычные семьи другими путями. Очень много их среди работников... Как это у Вас называется? О, ювенальной юстиции и других организаций, работающих на уничтожение традиционной семьи. Они ведут войну за детей, стараясь воспитать их в презрении к сексуальной жизни и к нормальным сексуальным отношениям. Иногда им даже удается объявить секс грехом. И среди людей, всегда находятся закомплексованные уроды, которые следуют их путем.

Отделить практически не возможно, да и не нужно. Рано или поздно, у вас должно возникнуть движение, которое будет жестоко убивать всех ювенальных работников, феминисток, пропагандистов гомосексуализма и иже с ними. Такое движение объявит любые ограничения секса мужчины и женщины, устанавливаемые религиями, враждебными человеческой природе, и начнет эти религии разрушать. Это движение провозгласит семью, главной ценностью социального общества и будет добиваться, чтобы в дела семьи, никто и ни по какому поводу вмешаться не мог. А те, у кого семьи нет, будут платить повышенные налоги.

– А если не возникнет?

– На большинстве планет возникало и часто побеждало медуз, останавливая корпорации. Обычно все начинается тогда, когда до людей доходит, что болезни, распространяемые половым путем, или созданы искусственно, или искусственно поддерживаются.

– А убивать обязательно? – смущенно спросила Яна.

– Ну, лекции по морали уж совсем не мое дело. Но когда одно животное нападает на другое и невозможно спастись бегством, есть два пути – либо тебя съедят, либо ты убьешь напавшего. Бессмысленно пытаться установить новые законы природы. Речь ведь о полном исчезновении человечества.

Один раз медузы уже пытались вас уничтожить как вид, и люди почти все погибли. Но всех уничтожить не получилось.

– Это что же, история всемирного потопы? – включился Валерка.

– Да, вы это так называете. Так что, хотите выжить, боритесь. Не сможете, попытаемся помочь, но это тоже по-разному. Это битва двух развитых цивилизаций и сантиментов в ней ни у кого нет. Но это битва за вашу планету и вам самим придется ее защищать.

Но это лирика – рассказы о будущем. Давайте обсудим, как вы будете возвращаться.

Тут есть две новости, одна хорошая другая плохая.

Нам придется воссоздать, утерянную вами одежду и воссоздавать мы ее будем по вашей памяти. Думаю, справимся. Надеюсь, ничто не помешает вас вернуть, через несколько секунд, после того как вы и ваша тарелка исчезли. Никто из наблюдавших ничего не заподозрит или не поверит заподозренному. Вам придется себя вести так, как будто вы никуда не исчезали. Иначе известие о таком происшествии наверняка достигнет медуз и тогда за вашу жизнь и грош ломаный никто не поставит. Потому, что именно кто-то из вас и может начать активную борьбу против распространения феминизма, гомосексуализма и представлений о греховности секса. А у вас будет время узнать, почему эти, вроде разнородные явления ведут к одному и тому же.

Но это все хорошая новость. А плохая заключается в том, что нам придется воссоздать не только вашу одежду, но и летающую тарелку медуз. Поскольку она не будет настоящей, и в отличие от вашей одежды ее будут проверять, нам нужно будет ее уничтожить, до того, как обнаружится подмена. Вам нужно будет убраться от нее на значительное расстояние, поскольку она исчезнет. А исчезновение большого количества материи, иногда может сопровождаться взрывом. Не обязательно, но я не могу гарантировать его отсутствие.

До этого у нас есть еще некоторое время и много чего может произойти.

Медузы сейчас, что совершенно для них не типично, обшаривают планету за планетой этого сектора и рано или поздно, доберутся до нашего укрытия. Поэтому наше дело к этому «рано», укрытие сменить.

Вы сейчас можете общаться и отдыхать, но будьте готовы в любой момент покинуть этот милый сердцу уголок и отправиться совершенно в другой сектор.

– Эл. А откуда вы знаете наш язык и нашу культуру?

– Так года не проходит, чтобы кого-то из ваших не приходилось вытаскивать от медуз. Медузам нужна человеческая генетика. Всех, конечно, спасти не удастся.... Но, все что могу.

Крупох

Гладь реки – счастливым раем...

Но возьмите на учёт —

Тот поток, где мы играем,

Счастьем долго не течёт.

Они поднялись с Эллом и вошли в средство передвижения, напоминающее трамвай. Никакой заостренности впереди. Окна со всех сторон. Абсолютно обычные трамвайные сидения, хоть и поудобней. Овальный трамвай, ни дать не взять. Только без колёс. Появись такой трамвай на улицах Днепропетровска, предположил бы, что новая серия из Чехословакии.

Сидения по обе стороны вагона, парами. Человек тридцать сели бы спокойно.

Валерка сел рядом с Серёгой.

– Как тебе удалось привлечь его внимание с острова. Как он тебя нашел?

– Когда я увидел, медленно проплывающий надо мной трамвай, обалдел. Трамвай, как будто горел со всех сторон, мне пришло в голову, что это совсем другая линия развития технологий, чем та, благодаря которой мы прибыли на планету. Эволюционно эта техника, по крайней мере, внешне, отличалась. Я решил, что трамвай не может быть животным, такая мысль пришла мне в голову, потому что я не смог придумать эволюционной целесообразности такого вида и формы. Значит, его сделала цивилизация типа человеческой, которая тоже делает что-то по своему разумению, не следуя природным формам. Я достал две лупы, и захотел попробовать найти телескопический эффект, чтобы рассмотреть это чудо детальней. У меня не получилось, меня слепил исходящий от него свет. Тогда я решил подождать до утра.

Я положил лупы на комбинезон... к счастью, на пуговицу. Это привело к тому, что вверх прямо на корабль, я этого не видел, попал сфокусированный отраженный свет. Так Эл мне, потом объяснил. Он сказал, что это поляризованный свет.

Тем временем, двери трамвая задвинулись и раздвинулись. Вокруг было уже не строение, а песчаный берег и уходящая вдаль волнистая гладь малинового моря. С другой стороны, ровными рядами, стояли оранжевые пальмы. Целый лес пальм.

– Это Крупох. Так мы называем этот рай. – Сказал Эл, когда они вышли из «трамвая» – мы находимся, приблизительно пятьдесят миллиардов лет тому назад и на таком же световом расстоянии от нашей, видимой части Вселенной. Надеюсь, Вас здесь искать не будут.

Я, на некоторое время исчезну, а вы поживете тут пару недель. Пищу, воду, ночлег, я организую. Ну, у кого из вас богатое воображение.

– У Серёги.

– А зачем это? – спросил Серёга.

– Ну, какое ты жилище представишь, такое и возникнет.

«Тогда это не к Серёге» – хохотнул, про себя Валерка. Краны будут течь, двери не будут закрываться.

– Давайте я попробую – Сказала Яна.

– Давай. – Эл дал в руки Яны, какой-то поводок, ведущий какому-то маленькому ящику, и обмотал им ее левую руку. Вторым поводком, с маленькой коробочкой посередине, обмотал лоб, и конец дал в правую руку.

– Это упрощенный вариант. Специально для обучения. Смотри туда – Эл показал Яне свободную от деревьев песчаную поляну. – Закрой глаза и говори, что ты хочешь увидеть, когда их откроешь, и представляй.

– Яна закрыла глаза и начала бубнить что-то невнятное, а поляну заволочло малиновым туманом. Потом возникло что-то, что напоминало избушку на курьих ножках. Постепенно избушка расширялась, а курьи ножки, выпрямлялись. Стены Избушки превратились в стекло, а окна покрылись жалюзи. Внутри избушки образовалось пространство, и избушка приобрела форму бублика. С разных сторон к повисшей над поверхностью, на высоте пары метров, избушке, протянулись пологие лестницы.

– Аквариум – прошептал Серёга Валерке, глядя на происходящее.

При этом Яна действительно стояла с закрытыми глазами.

– До чего техника дошла – сказал в полголоса Володя.

– Дошла? Мы сейчас за пятьдесят миллиардов лет, до нашего рождения – почти прошептал Серёга.

Тем временем «аквариум» перестал изменяться по форме и в нем начали появляться мелкие детали. У лестниц появились перила, у окон козырьки. Внутри окна оказались закрыты шторами.

Яна открыла глаза и посмотрела на то, что возникло.

– Ты большой молодец – сказал Эл. – Когда я был молодым, мне так сразу не удавалось сотворить задуманное.

– Так я тоже не сразу. Я в детстве очень любила, играя в куклы, строить для них жилье.

– Понятно. Но продукты, с вашего разрешения, я уже создал сам. И очень прошу, пока меня не будет, ешьте только их. Это не потому, что здесь есть, что-то особенно ядовитое, но организм разных гуманоидов иногда очень странным образом реагирует на самые безобидные вещества.

– Эл, а Вы, когда уйдете, оставите нам этот прибор? – Валерка указал на ремешки и коробочки, которые Эл снимал с Яны – Уж очень хочется попробовать.

– Ладно. Только большая просьба: не пытайтесь создать что-нибудь живое. Купайтесь не глубоко и дальше чем на километр, от этого жилища не отходите.

– Хорошо. А где еда?

– Внутри. В холодильниках. – Улыбнулся Элл.

Когда Элл исчез вместе со своим трамваем, Валерка уселся с прибором и стал пытаться создать с помощью оставленного Эллом прибора, детекторный приемник.

Все молча, наблюдали за ним.

Они были сыты, выпавшиеся и довольные. Курортная атмосфера расслабляла.

Сначала у Валерки выходили очень смешные вещи. Но он продолжал и наконец, возник вполне приемлемый на вид прибор. Но он «не шевелился».

– Может тут, нет радиостанций, и погода хорошая – предположил Серёга.

– Погода хорошая и радиостанций наверно нет, но проблема в другом. Это такой же детектор, как чучело птицы птица. Не все блестящее проводит ток и проводит его, так как надо.

– А ну дай мне.

Серёга стал мастерить какую-то плоскость. Потом лист стал изгибаться, сделался меньше, почти в ладонь, и наконец, Валерка понял, что Серёга делает. Это была двадцатипятирублёвая.

– Уголовный ты тип – сказал Валерка – и четвертак ты никогда не рассматривал настоящего.

– Что, правда, то правда. – Сказал Серёга, и передав аппарат Валерке, завалился на песок.

Валерка создал кинжал, но остроты ему создать так и не смог.

– Пора обедать – сказала Яна.

Они пошли в созданное Яной жилище.

– Ничего этого я не представляла – сказала Яна, глядя на внутреннее убранство помещения.

Внутри помещение выглядело как очень приличная гостиница или загородный дом какого-то большого начальника.

– Хоромы!!! Ну, води госпожа. Где здесь ресторан?

Минут пятнадцать пошло на обследование помещения и обнаружения запасов пищи в большом промышленном холодильнике и огромных шкафах.

Электричество ни откуда не шло, но прибор, внешне не отличимый от электродуховки, работал прекрасно.

– Полчаса отдыха, потом пойдем купаться.

Валерка слушал Яну и подумал, что как-то незаметно, но командование их действиями переходит к ней. Он не ревновал. Он привык командовать, но только потому, что те, кто были вокруг него, редко сам хотел принимать решения, вот он и распоряжался.

Сколько они здесь? Сколько прошло времени с того момента, как сифонофор «стартовал» из сарая на краю Днепропетровска?

День в холодильнике Антарктиды, пару дней у Медуз, несколько часов или пару дней, в неизвестном тайнике Эллы... Теперь тут. Мы привыкли к тому, что не успеваешь привыкнуть. Когда войны нет, командовать должны женщины и это правильно.

Тут он подумал о купании, вернее о купальнике Яны, вернее об его отсутствии. Это придало его мыслям некоторый тонус, и он на себя разозлился. Почему-то, всегда достаточно смелый в отношениях с женщинами, он не знал, как подступиться к Яне. А переспать с ней ему хотелось, и он не побоялся себе в этом признаться. И опять разозлился.

«Но почему я не вспоминаю, какой она была голой, когда мы были у медуз?» Валерка хорошо помнил, что это было, но воспроизвести картинку у него не получалось и никакого возбуждения она вызвать не могла, поскольку воспоминание сопровождалось, каким-то животным ужасом. «Все в опасности, мир на краю гибели, а все мои мысли о том, как бы задвинуть этой девочке. Осёл! Хотя... Если верить Эллу, в этом и есть спасение мира. А чем еще здесь заниматься? Еда, питье, море... Стоп, а алкоголь есть?»

– А нет ли здесь пива?

Вопрос Валерки казалось, застал всех врасплох. То, что пива, водки, вина нет, было очевидно, но о причинах этого, при полном изобилии всего остального никто еще не задумался.

– 50 миллиардов лет назад, был сухой закон, потому что алкоголя еще не придумали.

– Ну да, холодильник придумали, а алкоголь нет.

Купание Валерку немного разочаровало. Купальника у Яны не появилось, но с помощью «шпалы» (так, вместо «волшебной палочки», они стали называть оставленный Эллом прибор) она, в мгновение ока, смастерила несколько широких полосок материи. Потом, в своей комнате, соорудила купальный костюм.

И самое неприятное заключалось в том, что по ходу его изготовления материи, она бросила насмешливый взгляд на Валерку, как будто угадала и мысли его о купальнике и разочарование, с которым он наблюдал за процессом.

И еще Валерке не понравилось, что очень похожим взглядом, одарил его Серёга. Неужели так очевидны его, Валеркины устремления, переспать с Яной?

Широкие набедренные повязки заменили плавки и мужчинам, только Володя купаться не захотел. Он сел на берегу со шпалой и стал что-то создавать.

Купаться было здорово. Вода была солоноватой, но не такой как в морях Земли.

Они плавали, ныряли, спорили, предлагая различные версии, что будет с этой планетой через 50 миллиардов лет, и о том, не обманул ли их Эл, насчет этих 50 миллиардов, и уже собрались выходить, когда почти над ними возник сифонофор.

Валерка, вспомнив опутавшие его нити, приготовился прыгать в воду.

– Вот и пиво приехало. – Сказал Серёга.

Сифонофор опустился на берегу, и из него вылезло женоподобное существо.

– Я от Эллы. – Сказало существо, когда они выбрались на берег – Нам нужно срочно покинуть эту планету.

Это была женщина. Одета она была в черные «спецовочные» брюки, куртку. Лицо у нее было несимпатично. Ей можно было дать лет сорок, волосы тёмно-русые, но паклевидные. Чувствовалось в них какая-то неухоженность. Крючковатый, как у бабы Яги, нос, большие, но впалые глаза...

Опустившийся на берег сифонофор, был в два раза больше того, на котором компания совершало свое путешествие. На нем было восемь ячеек.

– Мы подождем Эллу – сказала Яна, и Валерка отметил, что не только во время мира, она взяла командование на себя. Ну, правильно, феминизм против феминизма.

– Тут стало очень опасно – Сказала гостья.

– Почему? – Продолжала беседу Яна. – Какая тут опасность?

Гостья начала, что-то мямлить общими фразами... как на партсобрании.

Валерка восхитился вопросом. Интересно скажет ли пришельца о медузах. Знает ли она во что посвятил, а во что не посвятил их Эл. Молодец Яна. Нужны нейтральные вопросы. Но если она действительно от Эллы? Валерка задал себе вопрос – мог ли бы он с ней заняться сексом. Нет, желания не возникало совсем.

Они стояли, и вдруг Валерка сделал странную для самого себя вещь – он сбросил набедренную повязку.

– Пойду ещё искупаюсь.

Валерка заметил, как слегка отвернула взгляд Яна, но женщина как будто и не заметила этого и продолжала объяснять, что опасность очень велика.

«Медуза» подумал Валерка, и стал одевать комбинезон.

«Надо отойти и посмотреть, как она будет на это реагировать. Нет ли у нее какого-нибудь оружия».

Натянув комбинезон, Валерка взял из рук Володи шпалу, и увидел, как рука «женщины» потянулась к карману. В этот же момент, круглый тяжелый шар, созданный Валеркой, упал ей на голову.

– Не убить, но обыскать и нейтрализовать.

Наконец-то Валерка взял инициативу в свои руки.

Похоже, в правильности Валеркиного решения, никто не сомневался. Размышление вызывало только то, почему этот г-медуз, так они, стали обзывать гуманоидов, выращенных медузами, сразу не применил оружие? Г-медуз было в мужском роде, чтобы не распространить на этих тварей отношения, как к женщинам. Это они решили позже, а сейчас было не до мелочей.

Яна создала с помощью шпалы покрытие сифонофора, как кучу песка, под большую кучу песка пришлось замаскировать и их жилище. Представить, как создать то, что было создано внутри, они не могли, да и Элл сказал не удаляться от этого места.

Не случилось ли с Эллом что-то?

Г-медуза связали, тут же изготовленными веревками, найденную в ее кармане штучковину, по виду напоминающую, загнутую крючком эбонитовую палочку положили в холодильник. Решив, что если это работает как средство связи, то только казавшаяся металлической поверхность холодильника, могла ослабить сигнал.

Времяпровождение становилось не таким радужным, как казалось в начале.

Когда г-медуз пришел в себя, ему решили устроить допрос, на всякий случай, развернув лицом к зеркалу, чтобы избежать или затруднить гипноз и телепатию.

Любые меры предосторожности, лишними не казались.

– Теперь рассказывайте подробно. – Обратилась к г-медуз Яна.

Г-медуз, смотрела на них с остекленевшими зрачками. Ее глаза, казалось, были наполнены водой.

Вдруг ее голова разлетелась не куски.

– Поехали, господа. – Сказал Элл, который оказался за их спинами со штучковиной с загнутым концом, напоминавшем эбонитовую палочку. – Это излучатель. Этих порождений медуз, нужно убивать сразу, причем уничтожая голову. Все что она видит, предается, и через некоторое время становится известным цивилизации медуз.

Вселенная

Вселенная! Великая обитель

Неведомых законов существа.

А человек, как на галёрке зритель

На пьесе из пространств и веществ.

Они опять сидели в «Трамвае».

– Сейчас наше путешествие продлится некоторое время. У Вас есть вопросы?

– Как медузы узнали, где мы? – спросила Яна.

– Я уже говорил Вам, что расстояние, на которое мы можем переместиться, равно времени, за которое свет – это расстояние преодолает.

На этом фронте, как и положено, чаще всего пустота. Реже попадаются звездные системы. Еще реже попадаются системы, в которых вы можете более-менее комфортно существовать. Их, не так уж много на этом радиусе. Пока медузы проделывают вычисления и направляют в эти системы солдат, у нас есть передышка. Я попытался обмануть их и некоторое время мы пробыли в системе, где существование возможно только в искусственных условиях. Я надеялся, сбить их столку, но они включили в расчеты возможность своей ошибки.

– Элл. Ты сказал, что мы были пятьдесят миллиардов лет назад, относительно нашего времени. – Начал говорить Серёга. – А как же Большой Взрыв?

– Большой Взрыв – это фантастика Вашего времени. Вселенная вечна.

– Элл. Расскажи о Вселенной и ее законах.

– Я не ученый, я солдат, но кое-что, я конечно знаю. Базовые знания.

Существует постоянная Дегисстера. Много миллиардов лет назад был такой ученый в цивилизации гуманоидов. Он сформулировал следующий принцип: Энергия Вселенной, во все времена, в бесконечности – равна единице. То есть постоянна. Энергия может передаваться в пространстве со скоростью света, а во времени, на тоже расстояние, которое проходит свет за это время.

Кроме этого Дегисстер выявил кластер – область Вселенной, размер которого чуть меньше, чем девять умножить на десять в десятой степени АЕ, уменьшение или увеличение энергии, в котором вызывает давление энтропии, для передачи энергии во времени. На этом принципе и устроены аппараты, на одном из которых мы сейчас находимся.

– А энергия не иссякает?

– Иссякает ли ветер, несущий парусник? Энергия, это результат изменения масштаба пространства во времени, если так можно выразиться. Законы этого изменения очень сложны и действуют с разным знаком в различных измерениях.

Изменение масштаба происходит на всех уровнях, и энергия существует в виде разных уровней – микро, макро, мега. Как стабильная материя и как излучение. Понятно?

– В принципе, да. – Сказал Серёга и Валерка, для которого все сказанное было набором научнообразных слов. Даже разозлился. Но попросить Элла объяснить это попроще, после Серёгинаго: «В принципе, да» было уже невозможно.

– А куда мы сейчас направляемся? – Спросила Яна.

– В цивилизацию планеты Огис. Их жители практически, в биологическом смысле, ничем не отличаются от вас, то есть, среди них обнаружить Вас сложно, а кроме прочего, медузы эту планету уже проиграли. Очень давно.

– Элл! Скажите, а католическая церковь играет на стороне медуз? – спросил Серёга.

– Почему ты это спрашиваешь?

– Ну, во-первых, они резко против секса, а во-вторых. Бруно и Галилей. Тому, кто понял, что Земля круглая, и создателям многих других идей, это сошло с рук. А вот понять нечто, что даст шанс землянам думать, что мы не центр Вселенной и возможно есть и другие, такие же....

– Я понял. Нет. Они против всех. Трудно сказать, откуда к ним пришла та или другая идея..., может и от медуз, но в целом это фанатики.

– А Гитлер?

– Я еще не владею хорошо вашей историей. Католическая церковь, это века. Гитлер – это миг. Кошмарный миг, но больше ничего не могу сказать.

– А какой счет игры? – Спросил Володя, – Всей игры во вселенной? Есть ли другие игроки?

– Хороший вопрос. Другие игроки есть и их много. Но в подавляющем большинстве случаев, их интересы не пересекаются, ни с гуманоидами, ни с медузами. По крайней мере, из того, что я знаю. Их условия существования настолько отличны от ваших, что их присутствие или отсутствие никак не заметно Вам, а ваше или медуз им.

– То есть, они есть на Земле?

– В некотором роде.

– А точнее.

– Это Земля.

– Земля?

– Земля примитивный организм. Но есть еще и Галактики.

Некоторое время все молчали, такими неожиданными были слова Элла. Разные мысли, и вопросы проносились у Валерки в голове. Как это получается? Может ли состояться, когда-нибудь, какой-нибудь контакт. Положительный, отрицательный...?

– Элл! – наконец решился Валерка. – Кому-то, рассказанное ясно, но мне бы тоже хотелось понять. Откуда берется энергия для перемещения во времени?

– Попробую. Существуют две системы отсчета. Система материального тела, которая перемещается во времени, как бы в свободном падении, без энергетических затрат, но с небольшим ускорением, и система отсчета электромагнитного излучения. Ты знаешь формулы, которые у вас называются формулами Майкельсона-Морли?

– Видел.

– Ну так вот, по этим формулам в системе отсчета электромагнитного излучения, движущегося со скоростью, которую вы называете скоростью света, время останавливается. Это не совсем так, иначе бы мы уже прилетели, но в этой системе отсчета существует скорость распространения излучения различных частот в различных структурах. Легче всего осуществить переход в систему отсчета сверхвысоких частот. Тут возможно перемещение больших масс, при малом падении частоты, а значит скорости относительно материальных тел. Для фазового перехода используется сверхслабое взаимодействие, которое у вас пока не открыто, и ваша техника еще не может его использовать. Но ведь и слабое взаимодействие в вашем мире пока не затребовано?

– Ты сказал, что энергия, это результат изменения масштаба пространства во времени. Как это?

– Я говорил, что находясь в системе отсчета материальных тел, тела движутся во времени с некоторым ускорением. Ну, это тоже самое, что незначительное изменение размера. Если ты что-то сжимаешь, то оно нагревается. Так?

– Так.

Так вот, когда что-то относительно тебя сжимается ты, субъективно, ощущаешь это нагревание. Но когда сжимается очень большое тело, это нагревание особенно заметно. Так святят звезды.

– Но если они уменьшаются, это, как если бы они отдалялись?

– Ну, так дальние и отдаляются, а к ближним ты движешься.

Валерка задумался. Ответы были просты, логичны, но совершенно не укладывались в его голове.

– А что происходит с кластером? Как в нем изменяется энергия.

– Хорошо. Этот вопрос означает, что и ты что-то понял. Это мне приятно, потому как если честно признаться объяснять я не особо умею и сам всего не понимаю. Но к кластеру.

Представь, что некоторое помещение полностью забито праздничными шариками, накачанными воздухом. Причем набито так, что шарик не может увеличить свой размер, из-за находящихся рядом шариков, а не из-за давления атмосферы. Представил?

– Да.

Так вот теперь тебе нужно представить обратную картинку, когда вместо воздуха шарик надувается пустотой. Представил?

– Теоретически. – Сказал Валерка после некоторой паузы.

– Так вот, если в каком-то месте шарика пустота уменьшилась, а в другом возросла, то на других шариках это не скажется. Но если вдруг шарик получил дырку, и пустота стала уходить. Другие шарики постараются заполнить это место.

И тут обнаруживается, что несмотря на перепад давления, увеличиться они не могут. И чем больше давление, тем больше диффузия через стенки шариков. Это как маленькие отверстия, которые объединятся с отверстиями сдуваемого шарика, чтобы он надулся. Но ведь то, что из него ушло, когда он сдувался, куда-то тоже должно попасть?

Сложнее другое. Эти кластеры – шарики имеют строго определенный размер, и пока во всем кластере не образуется дефицит пустоты или энергии, все спокойно.

Ну и последнее. Кластеры относительны. Мир ведет себя так, как будто ты находишься в центре некоторого кластера... ну не ты, конечно, а ближайшая к тебе звезда.

Понятно?

– Ладно. Я подумаю.

– Это всегда правильно, тем более что пришло время рассказать вам немного о цивилизации планеты Огыс.

Дело в том, что некоторые люди в своих сексуальных предпочтениях, становятся социальными уродами. Вы называете это гомосексуализмом или мужеложством.

Сами люди в этом не виноваты. Человек не контролирует свои фантазии. Но ведь и прокаженный не виноват в том, что он прокаженный?

На Огыс, существует строгая сегрегация. Как только человек заметил, что он ненормален, он должен об этом заявить и переселиться на небольшой материк, который заселен такими же, как он сам.

Как это ни прискорбно, цивилизация Огыс, требует, чтобы все пришельцы в мирах, которых не установлена подобная сегрегация, жили там же.

– То есть, мы будем жить среди гомосексуалистов?

– Да. Некоторое время, это наиболее вероятный способ сбить медуз со следа.

Ну и последнее. Думаю, вас это не смутит, поскольку Яна будет находиться в женской части колонии, а вы в мужской – на Огысе одежда не используется. Там ее сейчас нет, и давно не было. В ней не было нужды. А одетый, среди голых, это как голый среди одетых. Так что ваша одежда останется у меня.

Никому о том, кто вы и откуда сообщать не надо. Вы будете в положении туристов, за отдых и наслаждения которых все заплачено..., вернее компенсировано.

– Туристов откуда?

– Туристов из остальной части планеты... или другой планеты, так даже лучше. Но никто спрашивать не будет. Это здесь не этично. Материк, на котором находятся гомосексуалисты, имеет благоприятный морской климат, и взрослые жители Огыс, предпочтения которых уже не могут измениться, посещают эти места в качестве туристов. Там много туристов с других планет. Климат очень благоприятен и гарантированное отсутствие медуз.

– Чем, гарантированное? Они ведь могут...

– Не торопись с вопросами. Сам все увидишь. – Ответил Элл, Серёге.

– Это, конечно, необычно, – вдруг сказала Яна – но мы уже видели друг друга нагими. Мне будет менее уютно остаться одной среди чужих.

– И это не проблема. Сойдете вместе. Там много разных туристов обоих полов.

Валерка посмотрел на Серёгу. Серёги ведь не было в медузе. Но выражение его лица ничего не выражало. Он давно подозревал, что нагота не является для него каким-то признаком эротики. Может он прилетел на Землю с Огыса – хихикнул про себя Валерка. Но у него самого сердце застучало значительно чаще.

Огыс

Женщин надо нам любить!

Мужикам, конечно.

Повод может быть любым.

Время быстротечно.

«Трамвай» остановился на бетонном плацу, около вереницы дверей, ведущих в коридоры с прозрачными стенами. С другой стороны «трамвая» высился прозрачный забор, за которым был лес салатových деревьев. На деревьях сидели маленькие красные зверьки, внешне очень похожие на медведей и жевали салатové листья.

Оставив одежду в трамвае, они прошли в один из коридоров, а «трамвай» в это время исчез из поля зрения.

Валерка посмотрел на рисунок на своей ладони, который перед выходом из «трамвая» проштамповал Элл.

Коридор вывел их в зал. От каждого коридора шла красная широкая полоса.

– Здравствуйте! Я ваш сопровождающий. По какому классу вы прибыли?

Они показали ему свои ладони, как сказал им Элл.

– Прекрасно. Полная доступность. Мы рады гостям. Я буду сопровождать вас, пока в этом будет нужда.

Валерка удивился, что прекрасно понимает говорившего, будто тот говорил на русском, хотя язык был совершенно изумительный и практически не имел пауз между словами.

Валерка старался не рассматривать голую Яну, тем более что она уже перехватила два его взгляда, от чего он сам на себя не в шутку разозлился. «Я веду себя, как пацан пионерского возраста». – Думал он.

Они шли по красной полосе, к каким-то воротам, за которыми горело табло с цифрой ноль.

К этим воротам по другим полосам тоже шли люди. Валерка обратил внимание, что все они белые или смуглые. Не черных, ни зеленых, ни фиолетовых, как он себе представлял, не было. Их окружали представители исключительно белой расы.

Когда они подходили к этим воротам Валерка понял, что через ворота – раму, проходит всегда только один человек. При этом он как бы сразу исчезает, и только на другой стороне ворот, загорается число. 39, 56, 63, 24, 40.... Когда они подошли, Серёга прошел первый. На табло засветилась 92.

«Наверно это весы» – подумал Валерка, хотя те, кто проходил до Серёги, не выглядели на 24 и 40, килограммов. Да и Серёга выглядел в худшем случае на 80. Потом пошла Яна и возникла цифра 81.

«Нет, это не весы».

Потом вошел Валерка, и почувствовал легкое прикосновение к руке, и увидел цифру «78».

На другой стороне ворот, стояли Яна и Серёга, и тоже строили предположения, беседуя так, как будто оба были не нагими, а во фраках. Серёга предположил, что это состояние здоровья. Чем меньше число, тем меньше проблем.

С этой стороны было прекрасно видно, что происходит с другой стороны ворот.

Избирательная невидимость. Табло с цифрами практически не изменилось.

Володя показал цифру 68 и прошел.

– Что это за цифры? – спросил Володя у оказавшегося рядом экскурсовода.

– Это показатель гормонального фона половых гормонов.

Тут сквозь ворота прошла, какая-то женщина и ее голова взорвалась.

Вся компания вздрогнула. Вид разрывающейся головы, не совсем обычное зрелище. Это их состояние не мог не заметить их экскурсовод.

– Когда-нибудь им надоест – сказал он.

– Кому – спросила Яна.

Все они были ошеломлены этим зрелищем и тем, что только что, прошли через эту рамку.

– Медузам, конечно. Их порождениям. – Ответил экскурсовод – их показатель никогда не превышает пяти, что означает отсутствие инстинкта к продолжению рода. Они почти каждый месяц пробуют, но в последние дни это уже третья. Неприятное зрелище. Для того чтобы

они не поняли, что происходит, стой стороны видно только табло. При показателе меньше 7, табло немедленно уничтожает объект, а при цифре меньше 15 объект... турист попадает на обследование. Даже обычный человек с низким инстинктом продолжения рода, опасен для общества. А у вас у всех, ИПР выше среднего. ИПР выше 75 обычно возникает у человека после прелюдии к половому акту. Вы, наверное, с молодой планеты?

Валерка хотел ему объяснить, что поднятие их «ИПР» связано не с молодостью их планеты, а с присутствием в их обществе молодой и привлекательной голой дамы, но при Яне, этого делать он не стал.

Хорошо еще, что кровавый разрыв посланницы медуз не дал его «ИПРу», превратиться в «красный флаг». И на том спасибо.

Этот раз, Валерка уже не так относился к этому зрелищу, как тогда, когда Эл разнес голову одной из посланниц. Видимо приходило понимание того, что если цивилизация хочет выжить, тех, кто мешает семейному укладу общества, нужно уничтожать или как минимум, отселять, если их действия не злонамеренны. Валерка вспомнил, что находится на материке гомосексуалистов. А вот феминистки и прочие активистки женских организаций, как и все мешающие семейному укладу должны, по словам Элла, уничтожаться. Хотя, как это сделать в реальности?

Их поселили в роскошном номере гостиницы. Внешне, Огысцы почти не отличались от людей. Люди разных рас, особенно те, которых показывал «Клуб кинопутешествий» из Африки и островов Океании, отличались от жителя СССР, куда больше.

У огысцев, носы были чуть по толще и немного крючковатей. Если бы глаза были маленькими, то они бы походили на японцев. Но глаза были большими, миндалевидными и с какой-то глубиной. Валерка поймал себя на мысли, что смотреть в глаза огысца, можно как на огонь или волны. Что-то в них все время менялось. Но Валерка не смотрел. Смотреть пристально на человека он чувствовал не совсем приличным. Кроме этого огысцы были со светло серыми волосами, которые напоминали потемневшую седину. Но попадались некоторые с ярко красными волосами. Валерка решил, что это или туристы с других планет или крашенные.

Тем ни менее, все, кого он видел, по Валеркиному ощущению, были явно другими, чем те земляне, которых он видел.

Спокойно прошло два дня. Валерка разрывался между двумя желаниями: Идти на пляж вместе с обнаженной Яной или смотреть фильмы о технике и науке Огыса.

Яна вела себя так, как будто она строго одета. Никакого стеснения. И это еще больше подогревало Валерку.

На Огысе, книги и не только они, читались на экране устройства напоминавшего телевизор. Тексты технической литературы Огыса, Валерка читал свободно, но не понимал ничего. Слова он все знал, но логика изложения была для него совершенно не понятна. С фильмами было лучше, но в фильмах не найдешь подробностей. Фильм нельзя порассматривать. Ну и сами схемы были странными. Валерка спросил у экскурсовода, и тот объяснил, что для большей компактности, прямые линии на схемах не рисуются, а подразумеваются.

От такой информации Валерка чуть с ума не сошел: «Что значит подразумеваются?»

Эти все размышления происходили на постоянном фоне мыслей о Яне и Серёге, с которым она явно сдружилась. Он впервые ревновал к Серёге. К толстому и невысокому. Раньше он даже не размышлял, есть ли у его друга недостатки. А теперь...?

Далась ему эта Яна.

Валерка не был эксгибиционистом, но своя нагота, когда все вокруг были нагими, его не смущала. И даже нагота редких женщин, встречавшихся в этом секторе, его тоже не волновала. И волновала, и смущала Валерку, нагота одной единственной женщины. Нагота ли? Он

бы мог подумать, что влюбился в нее, но он ревновал, ее только к Серёге, который посыпал свои разговоры с ней, обильным количеством фривольных анекдотов. А тут еще эти, подразумевающиеся прямые, на схемах.

Почему Серёга не засел за науку? Он что, много знает?

Валерка понимал, что он тоже не за науку засел, а за технику и технологии. Экскурсовод-сопровождающий их, был настоящим экскурсоводом, и понимал в местной науке и технологии, не больше чем экскурсоводы с Земли. Конечно, история континента, развитие на нем цивилизации, достопримечательности и наиболее популярные заведения отдыха, тоже интересно...кому-то. Но не Валерке.

А тех, кто мог, что-то про науку объяснить, Валерка в этом секторе не нашел.

Валерка хотел разобраться с избирательной невидимостью, с энергией, расщепляемой ДНК, на которой работали все микроустройства, с технологией производства компонентов электроники из кремния, в половину молекулярной толщины. Но не получалось.

Тогда Валерка решил попробовать посмотреть не на современную технику, а ту технику, которую Огысцы использовали когда-то, возможно принципы ее работы ему будет понять легче. И посмотреть связанные с этим научные статьи.

Но рассматривать сантехнику, ему сейчас было не интересно. Поэтому он начал рассматривать историю космической авиации. Оказалось, что в науке, существовавшей на Огыс, был свой «Эйнштейн» хотя и звали его иначе, Аитель. Так вот, изначально, до того, как Джегистер сформулировал свои принципы, пространство рассматривалось, как пятимерное. С точки зрения землян, это было четырех мерное пространство, но на Огысе считалось, что прямых не существует. Прямая линия в понимании землян, для Огысцев состояла из двух лучей, идущих от центра системы отсчета. Вне системы отсчета, для Огысцев не существовало никаких пространств.

Так вот, по теории Аителя, предшествующей теории Джегистера, Вселенная тоже расширялась с ускорением из-за изменения масштаба пространства и конечности скорости света, но в этом присутствовал еще один компонент. Для субъективного наблюдателя, ускоряющийся объект имел все большую и большую массу, и на границах видимой Вселенной его масса стремилась к бесконечности. Граница Вселенной субъективно рассматривалась, как черная дыра, постепенно растягивающая к своим границам все, что находится внутри. Тяготение действовало как к центру Вселенной, так и к ее границам. В этой теории, тоже существовала зона, где воздействия тяготений уравнивались.

На основе этого Аитель даже создал космический аппарат, который двигал искусственно создаваемый объект огромной массы. В этом аппарате был ускоритель, который по круговой орбите разгонял ядра атомов, который приближаясь к скорости света, приобретали огромную массу. С помощью тяготения этой массы и работали космические аппараты.

Сначала некоторый аппарат, содержащий внутри ускоритель, разгонялся, а потом включался ускоритель, который тянул за собой аппараты любой величины.

Позже сделали гравитационную катапульту. Огромный тор с достаточным отверстием внутри, разгонял внутри себя частицы, которые затягивала внутрь Тора объект, который нужно было переместить. В тот момент, когда объект отпущенный зажимами, которые держали объект до того, он с огромной скоростью влетал внутрь пространства окруженного ускорителем, частица, имеющая огромную массу, разворачивалась и испускалась в нужном направлении, а следом за ней летел перемещаемый объект, набравший на старте огромную скорость.

Так запускали на орбиту планеты грузовые корабли, а на орбите такими гравитационными катапультами отправляли к звездам первые космические корабли. Когда Джегистер опубликовал свою работу, гравитационные катапульты находились возле десятков звезд галактики, в которой находился Огыс. И сообщение между этими звездами было уже регулярным.

Но и после открытий Джегисстера, огромные аналоги этих катапульт использовались, когда нужно было эвакуировать планету от звезды, которая могла начать следующий этап своей звездной жизни, превратившись или в красного гиганта, или в сверхновую.

Эти аппараты, напоминали историю о бароне Мюнхгаузене, когда он сам вытащил себя за волосы из болота.

Не то чтобы Валерка все понимал, но ему были ясны принципы, и он с увлечением изучал технические схемы этих замечательных творений разума. И он увлеченно работал.

Когда ему стало казаться, что он начал понимать смысл одной схемы, в его комнату неожиданно вошла Яна.

– Ну что, совсем вы зарылись в свои схемы, Валерий Николаевич.

– Хочется разобраться.

– Биология тут практически та же, а методы исследования за несколько дней не постичь.

Яна подошла к Валерке, притянула его к себе и поцеловала в губы.

– Извини, я не дождалась, пока ты сам решишься – сказала Яна, когда они через пару часов расслаблено, лежали на кровати, держа друг друга за руки. – Интересно, а какой ИПР предшествовал нашему сексу?

– 125.

– 100 максимальное значение.

– А я уже боялся, что ты запала на Серёгу.

– Да??? Мы с Серёгой попробовали. Очень приятно, но без напряжения и лихорадки. Надеюсь, ты меня не ревнуешь?

– Нет, конечно, – соврал Валерка. Во время того, как она ему сообщила о сексе с Серёгой, у него даже дыхание перехватило.

Валерка повернулся к Яне, посмотрел ей в глаза...

– Честно говоря, мне не показалось сразу, что ты настолько свободно к этому относишься.

– Мы в другом мире, времени, и столько всего уже произошло, что все правила остались, где-то там. Я уже несколько раз попрощалась с жизнью и даже хуже. Так почему я сейчас должна отказывать себе в удовольствии? Я ведь тебя сразу захотела, как только увидела. И не ошиблась. Ты прекрасный любовник и не смей ревновать.

– Спасибо.

– Не за что.

– А если бы я не захотел? – лукаво спросил Валерка, почувствовав облегчение.

– Да у тебя на меня слюни с самого начала тоже текли. Я же не слепая. Но когда мы попали сюда, я стала беспокоиться, что ты влюбишься. Неудовлетворенный секс к этому располагает. А нам это совсем не к чему. Если мы вернемся... Если мы все-таки вернемся, то ты женат и у тебя дочь. Да и я, все-таки, замужем. А если нет... – Яна задумалась.

– А если нет?

– Если не вернемся. А если нет, то тут, в нашем понимании, семьи нет. Но это тебе Серёга лучше расскажет. Он тут целое социологическое исследование развернул.

«Ну да, – подумал Валерка – Серёга, то и в земной технике не шибко разбирается. И с чего я решил, что ему нужно пытаться разобраться в технике Огыса? Но почему он занялся не их эволюционными теориями, а социологией? Надо будет спросить.

Тут он понял, что, скорее всего, не Серёга, а он сам стал причиной того, что последнее время они меньше общаются. И это из-за Яны.

– Яна? Может это бестактный вопрос? А как Серёга в роли любовника? Хорош?

– Нормален. Он намекал, что в ваших поездках у вас был и совместный секс с кем-то?

– Вот, трепло.

– Наверное. Но то, что я сегодня пришла, это его идея, брать тебя штурмом. Я после медузы, как с катушек сорвалась. А здесь ещё и умерло табу на наготу. Я хочу попробовать с вами обоими. Ну, где и когда мне еще представится возможность, немножко сойти с ума, как не на этой благословенной планете.

– А что, на Огысе, секс более открыт, чем на Земле?

– Не знаю. По-моему, нет. Никаких публичных поцелуев я здесь не видела. Нагота для них – это обыденность, а нас она, как не крути, подогревает. Но дело не только в этом. Мне нужно было избавиться от того унижительного, гадостного ощущения. Помнишь ощущение внутри медузы? А секс, очищает.

– А что ты говорила о местной семье? Что значит «в нашем понимании, семьи нет»?

– А то, что здесь никто не женится и не разводится. Тут даже государства, в нашем понимании нет. Определенные общественные институты, поддерживают пары, которые воспитывают совместных детей. Деньги тут есть. И тем парам, которые вместе пока их дети растут, экономически выгодно. Да поговори об этом с Серёгой и не смей ревновать.

– Да поговорю, конечно, но ты это хорошо излагаешь.

– Ну ладно. А это для лучшего восприятия. – Яна погладила и обняла Валерку и ..., и вся социология опять куда-то исчезла.

Было странно лежать на пляже, где куча голого народа, рядом с голой Яной, которую он хотел и получил, и знал, что получит еще. Смотреть, как она подставляет солнцу все свои прелести, ничего не пряча, и не гладить ее, а вести научные беседы с Серёгой.

– Так вот – разглагольствовал Серёга – метеорит, который упал на Огыс 1.3 миллиарда лет назад, Хотя в датировке я еще не совсем разобрался. У них тут троичное и тридцатишестиричное счисление одновременно. Так этот метеорит, поднял большое пылевое облако. Вся планета погрузилась в ледниковый период.

Приматы могли выжить только на экваторе и, превратившись в людей, то есть в социальный вид. Меланин оказался не нужен. Ультрафиолета практически не было и все приматы, чей организм получил возможность не вырабатывать его кожей в больших количествах, получили эволюционное преимущество.

Став социальным видом, Огысцы, все-таки оделись. Началась проблема с кровососущими кожными насекомыми. И преимущество получили те, приматы, кто был без волосяного покрова.

Это я схематично.

В таком виде социальные группы просуществовали около ста миллионов или миллиардов, лет. Пылевое облако исчезло, и социальная культура от промискуитета пещерного типа перешла во всеобщий промискуитет. Новому человечеству Огыса, уходя от жары и засухи, пришлось продвигаться на север, где абсолютно не было гор.

Паранойя, а она возникает при постоянной опасности провалиться и упасть со скалы, практически исчезла и цивилизация развивалась по шизофреническому типу. Конкуренция за полового партнера существует, но ревности не возникло.

[промискуитет – форма групповой семьи, сегодня воспринимаемая, как беспорядочные половые связи с разными партнёрами, ранее существовал исключительно внутри общины, до образования семьи]

После выбора партнера, интерес к женщине других самцов отсутствует, поскольку существует суеверие, что женщина сохраняет не использованную сперму внутри себя, и может рожать от первого партнера. Ну как на Земле гуаки.

– Стоп. Пожалуйста, поподробней, а то я теряю нить. Какая связь между паранойей, шизофренией и местностью?

– Дело в том... нет, давай я тебе расскажу сначала об эволюции Земли.

– Только так, чтобы и я понимала. – Вмешалась Яна, перевернувшись на живот и бросив на Валерку немного насмешливый взгляд.

Валерка понял, что вовремя Серёгиной лекции он смотрел, куда-то не туда.

– Ладно. Когда-то, рассматривая формы реакции человека на опасность, я создал, не то чтобы гипотезу, скорее рабочую модель.

Уточняю, при этом, что на Земле ледник не дошел до экватора и горы и равнины сохранились по всей территории.

Так вот модель:

В этой модели все люди делились на две группы. Одна из групп (популяций), происходила (наследовала гены) представителей надвида *homo sapiens*, сформировавших свою человеческую биологию при жизни в горах, назовем ее горные люди. Вторая группа происходила (наследовала гены) представителей надвида *homo sapiens*, сформировавших свою человеческую биологию на равнине, назовем ее равнинные люди.

Какая же разница в реакциях этих популяций? Это казалась мне очевидным.

Горные люди, встречаясь с неожиданно возникшей опасностью, замирали и сосредотачивались. В горах такую неожиданность мог нести вылетевший из-под ноги камень, или увиденный впереди хищник. Те, кто на опасность реагировал прыжком в сторону – погибал в пропасти и генетический отбор сохранял только описанный тип реакции.

Равнинные люди, встречаясь с неожиданно возникшей опасностью, отпрыгивали в сторону. На равнине такой неожиданностью мог стать треск ветки, от прыгнувшего с нее на человека хищника. Те, кто на опасность не реагировал прыжком в сторону – погибал не получая времени на побег, или подготовку защиты, и генетический отбор сохранял только описанный тип реакции.

Яна вновь перевернулась на спину и Серёга, не прекращая повествование, как бы для порядка, стряхнул песок с ее живота.

– Такое разделение признаков одного вида, называется дизруптивным отбором.

Дизруптивный отбор – Пояснил Серега для Яны – Это разновидность естественного отбора в популяции животных или растений, приводящая к появлению двух или нескольких новых форм из одной исходной. Это отбор, направленный на сохранение наиболее уклонившихся от средней нормы частей популяции, в связи с очень резкими изменениями среды обитания, оказался благоприятным лишь для атипичных групп.

Рассказывал все это Серёга, то глядя Яне в глаза, то сосредоточенно, но без видимых эмоций, рассматривая Янин сосок. При этом Яна, на Серёгу, насмешливых взглядов не бросала.

– То есть у людей, друг с другом большая разница в реакциях, чем у огисцев. Люди как кошка с собакой. У собаки виляние хвостом радость, у кошки признак агрессии. Социумы огисцев, намного более мирные и без такого накала эмоций.

Но интересно было также посмотреть какие еще признаки такого дизруптивного отбора в новоявленных формах надвида, *homo sapiens*, вызвали описанные условия.

Первое, что я хотел бы рассмотреть это отношение к наготы. (Серёга внимательно осмотрел Яну).

Отношение к одежде у двух этих форм было тоже разное. Горные люди, носили одежду исключительно из соображений тепла и «бесстыдно» сбрасывали ее в пещерах у костра. Равнинные люди, носили одежду как средство защиты от комаров и moskitov, а также как защиту от когтей хищников. Ни угроза хищников, ни угроза кровососущих не исчезала никогда, и одежда не снималась, формируя в сознании свою необходимость, как формы защиты. У равнинных людей выработалась боязнь собственной наготы, которую мы называем «стыдливость», а на самом деле это ощущение незащищенности.

Тут еще следует обратить внимание на то, что нагота у горных людей свидетельствовала о близости. Нагота, свидетельствовала о возможности сексуальных контактов с теми, кто видит тебя без одежды. Это о женщинах и праве на секс с теми, кого ты видишь без одежды, это о мужчинах.

Если мы никуда не спешим, давайте на этом немного остановимся.

Вам интересно, почему мы считаем себя в праве на секс с женщиной (Серёга опять осмотрел Яну, и та улыбнулась), которую мы видим голой? И почему женщина, представ голой перед мужчиной, намного легче идет с ним на сексуальный контакт?

– Ты меня уже заинтриговал, – сказала Яна – так что рассказывай.

А откуда у женщин взялся на Земле стыд своего обнаженного тела? Зачем скрывать, какую-то часть тела, находясь на пляже?

Но ведь nudists на Земле, не так уж и много?

Значит, какая-то физиологическая основа этого элемента психики современного человека существует?

Когда говорят, что первый человек появился в Африке, имеют в виду, биологический вид. Но человек ставший видом социальным появился на севере. Именно там стая биологического вида *гомосапиенс*, благодаря опять же, ледниковому периоду, стала социальной группой.

Так вот, причинами этого была враждебная природная среда. Холод и голод наступившего ледникового периода. В этом и схожесть Земли с Огнём. Выжить можно было, только подавив в себе основополагающий приоритет сексуальных отношений. Инстинкт самосохранения уравнился с инстинктом продолжения рода.

Самцы перестали быть, во-первых, конкурентами, а стали, во-первых, сообщниками.

Вот в природе, вне социума, одновременного секса двух самцов с одной самкой не существует. А у людей, это случается.

Но ведь, становясь социальным животным, человек не сразу получил чувство стыда от своей обнаженности?

Попробуйте пожить в пещере с десятком таких же особей разного пола и стесняться их. Не получится. Совместное проживание вне развитой цивилизации автоматически ведет к тому, что стыду наготы нет места.

Вот родила пещерная женщина, пещерную девочку. Девочка растёт. Когда ей начинать стесняться окружающих ее мужчин и бояться того, что они ее увидят нагишом?

А никогда.

Другое дело чужаки. Чужаки, это те, кто живет в других пещерах. Чужаки всегда видят ее одетой, потому, что за границей пещеры уже не Африка, а холодная Европа. Нагим зимой по Европе ледникового периода, не походишь. Особенно женщине.

Поэтому женщины более стыдливы, чем мужчины?

Нет?

Тогда почему?

А в своей пещере, близких людей стесняться нет смысла.

Поэтому нагота и стала «синонимом» близости, что видеть ее могли только близкие, только твое племя.

Если человек видит женщину нагой, то это почти разрешение ему, на секс с ней.

Я не прав?

– Прав.

– А женщина ищет ребенку отца, а не производителя. Без семьи, в условиях ледникового периода, вырастить ребенка и выполнить свое женское предназначение, невозможно.

Племя ее пещеры – коллективный отец.

Потому мужчины семьи могут видеть женщину обнаженной, а остальные мужчины – нет.

Это главная причина женского стыда. Стыд был благоприобретенным рефлексом-обычаем.

Это социально целесообразно, а значит и закрепляется в социальной психологии и физиологии.

О стеснении мужчин мы подробно говорить не будем, но оно имеет другую природу. И скорее это не стыд, а страх. Это похоже, но все же имеет другое происхождение. Страх оказаться внешне менее аттрактивным, чем другой самец. Хотя и у женщин есть страх выглядеть не сексуально. Но это не стыд.

Так что, продолжим о женщинах. (Сергей с показным вождением и улыбкой, оглядел Яну)

Прошло время, и развитие цивилизации привело к запрету инбридинга, то есть близкородственного скрещивания.

[инбридинг – близкородственное скрещивание у животных, которое у людей называют инцестом]

Биологические уродства привели к необходимости появления религиозных запретов на близкородственный секс.

Теперь порождая женские неврозы, одна социальная установка, накладывалась на другую. Это наложение создало полный запрет на обнаженность. Не в силах разобраться, что и зачем, общество, через свои религиозные институты, табуируют наготу. Они требуют от женщин полной закрытости тела. То есть, очень скромной одежды всегда, и даже во время секса. Поэтому во множестве социумов Земли, секс, чаще всего происходит при выключенном свете.

И можно предположить, что именно запрет на инбридинг (инцест) стал причиной этого.

Появление религиозных запретов на инцест соответствует времени, когда в жизнеописании социумов встречаются все более строгие одежды.

На западе, (я о Земле) в странах, где все продается, абсолютный запрет на наготу снят. Выпускаются мужские журналы, порнофильмы. Возникают нудистские пляжи. Но оказывается, преодолен более древний запрет – запрет на наготу для чужих. Запрет на наготу для своих, продолжает действовать.

В мире появляется эффект провинциализма.

Это когда в большом городе или за границей, человек может позволить себе все – там меня никто не знает, говорит себе член социума. А вот дома, в своем дворе или деревне, процветает ханжество.

Стыд у обитателей равнин это стыд африканских племен, совершенно не стойкий и не являющийся табу, таким как стал стыд пещерных людей Европы.

Но теперь, чтобы не ощущать себя шизофрениками, вернемся к паранойе и шизофрении и от привлекательной темы секса, перейдем к питанию.

Горные люди, питались в основном мясом и очень периодически. Были периоды, когда есть, было совсем нечего. Поэтому у них были большие жировые запасы. Когда была еда, они запасали жир впрок, как это делают многие животные.

Для равнинных людей, жировые запасы были менее необходимы, и они только мешали бегать, а от этого часто зависела жизнь. Пища часто была растительной и обильной.

Нет нужды сильно наедаться, когда можно всегда найти банан, какой-нибудь корнеплод или насекомое.

И многие болезни, от язвы желудка, до крепости эмали на зубах, с этим связаны. Но об этом как-нибудь потом.

Надеюсь вопрос, какая из популяций, горная или равнинная, более склонна к шизофрении, а какая к паранойе, ясен?

Нет?

Я бегло изложу тебе природу того, что мы называем паранойей и шизофренией.

Наш мозг, должен решить две задачи.

Первая задача выполнить некоторое действие наиболее эффективным образом. Для выполнения этой задачи, необходимо максимально возможное сосредоточение на действиях по ее выполнению.

Задача номер два, выполняя выше описанные действия, не упустить свою женщину, не быть съеденным, (именно в этом порядке) и адекватно реагировать на изменения, происходящие в окружающем мире. Задача немедленных действий по продолжению рода, перестает быть главной. Главное – сохранить себя во имя ее выполнения в будущем.

Огрубляя положение вещей, мы будем считать нормальным человеком того, кто делит свое внимание между выполнением сосредоточения, на некотором действии и наблюдением окружающего мира – пополам.

Но естественно при определенных условиях, ночью, в лесу полном хищников, то сосредоточиться на сборе хвороста, более чем на треть ваших ресурсов не стоит.

Другое дело, когда вы выбираете этот хворост в горах, где другая, подходящая для обитания пещера находится на достаточном расстоянии, и достаточно тесно, чтобы не опасаться хищника, который может незаметно подкрасться. Тут только в пропасть свалиться. Нет у хищника не высокой травы, ни деревьев, чтоб на них или за ними спрятаться. Зато и хвороста в горах мало, а потому стоит отдать две трети своих ресурсов внимания, именно на сбор хвороста, потому, что контроль того, чтобы самому не свалиться в пропасть, стал автоматическим и внимания не отнимает.

Когда необходимые реакции эволюционно закрепляются, то первый описанный тип поведения, мы называем шизоидным, а второй параноидальным. Но это вовсе не болезнь. Это только сформировавшийся тип личности и предрасположенность в случае болезни, к некоторому полюсу. Сама же болезнь паранойи или шизофрении, это неадекватное распределение между вниманием, отданным для выполнения некоторой цели и отслеживанием происходящего в окружающем мире. Болезнь, это крайность. Больной человек отдает все ресурсы одной из задач. Но предрасположение, все-таки существует, даже у здоровых людей, хотя химическое воздействие на мозг (алкоголь или наркотики) может их нивелировать.

Но вернемся к Огысу.

Когда приматы, уже превратившиеся в социальную группу, спустились с экваториальных гор, которые жара превратила в пустыню, они стали типично равнинной цивилизацией. Но крупные хищники отсутствовали. Люди вели и вели очень долгое время, исключительно равнинный образ жизни.

Они постепенно расселялись по теплой планете. Животных было мало, а кровососущих, в земном понимании, среди выживших не оказалось. Чудесным образом эта экологическая ниша, оказалась не занята. А может кровь у Огысцев приобрела какое-то защитное свойство, которое на Земле не возникло. Тут нужен эксперимент, а комары для него, здесь отсутствуют. И одежда Огысцам стала не к чему.

Борьба за самок, тоже не имела той остроты и агрессии, которую мы знаем на Земле.

Самцы предлагали себя, а самки делали выбор. Промискуитет не закончился многоженством или многомужеством, а закончился семейной цивилизацией.

Как у птиц.

Семья, то есть родители ребенка, семья тут понимается только в этом смысле, были стабильной частью стаи, поскольку не могли себе позволить опрометчивые поступки. Детей нужно кормить. Так возник культ семьи, то есть пары, мужчины и женщины, рождающих новых членов стаи. Что было очень важно, поскольку борьба между стаями за лучшие ресурсы возрастала, и величина стаи имела в этом деле решающую роль.

Потом появились, технологии, войны, пришли медузы и их посланники, но миллионный по времени, уклад жизни, то есть – семью, поколебать медузы не смогли.

В определенный момент попытались. Возникли феминистские организации, ювенальная юстиция, рекламировался гомосексуализм, гаремы различных типов... Представления о семье пытались разрушить, но все окончилось массовой резнёй посланниц медуз и уничтожением принадлежащих им корпораций.

Происходило это не в один день и однажды медузы даже применили атомную бомбу. Но это и стало их глобальной ошибкой.

Когда медузы были уничтожены, стал вопрос, что делать с гомосексуалистами. А тогда, в результате деятельности г.медуз, их было множество. Почти 15%.

Они ведь не виноваты, что их табу были уничтожены в момент формирования личности? А ведь они чьи-то дети?

Тогда и решили осваивать, дикие острова, расположенные за экваториальной пустыней. Освоив, силами гомосексуалистов, острова, огысцы поняли, что эти острова прекрасное место для отдыха и сфера туризма стала здесь процветать. Установление связей с другими цивилизациями еще усилило их необходимость, поскольку на основных территориях Огыса, жесткие табу гетеросексуальности и никаких посторонних, там, где они воспитывают детей быть не должно. Но те, кто все-таки становится гомосексуалистом, а такое случается, отправляется сюда. Хотя с тех пор, количество гомосексуалистов даже на этих островах, уже мизерное.

Тут мы можем обратить внимание на то, как законы заменили нужное, но не возникшее табу.

Валерка задумался. Рассказывая так, чтобы поняла Яна, Серёга рассказывал намного внятней, чем делал это для него.

– Так – сказала Яна – науки хватит. Расскажи лучше, как вы совращали девушек в ваших поездках по Днепру.

– Мы совращали? Да девушки всегда сами ломают себе голову, как совратиться, чтобы казалось, что мы их совратили. Когда это было...? Сколько миллиардов лет тому?

– Ну, расскажи хоть одну историю.

– Если Валерий Николаевич не против...

– Ладно, валяй, Мопассан.

– Но может, мы сделаем это в другом месте

И они ушли с пляжа.

И уже в гостинице, когда после душа, в прохладе комнаты, все завалились на кровать, Серёга начал рассказывать...

– Прислали к нам поварихой... не поварихой конечно, а работницей по кухне одну девочку со второго курса филфака. Летом подработать решила. Ну, у нас тогда с женщинами напряжёнка была. Один парень с женой, они работают вместе...

– Невезуха какая?

– И не говори. Была еще одна йогиня, гимнастикой йогов все занималась. Лет сорока. Ежедневно ходила, как страус и по какой-то методике, при каждом шаге втягивала анус. Но она не в счет. В общем, на шесть мужиков одна эта филфаковка и оказалась. Девочка симпатичная, фигуристая, но не толстая. В общем, все на месте. И вот улучшив момент, в самом начале путешествия, когда никого кроме нас и ее не было..., она ужин подавала, один из наших... не будем уточнять имя, спросил: «А когда мы с тобой сексом заниматься будем, по утрам или перед отбоем?».

Девочка сначала покраснела как рак, а потом и говорит, что сюда, вовсе не для этого ехала. Понятно же ей, что остальные едут туда именно для этого.

– Для этого, не для этого – говорит парень – а как мы узнаем, что тебе хочется, и ты согласна? Ведь это же, глупо, когда и тебе и нам хочется, а ничего нет?

Тут девочка видимо пришла в себя, после такого наглого вопроса и говорит уже резко:

– А мне ничего не хочется и не захочется. И разговаривать об этом я больше не собираюсь.

– А все все-таки, скажи, как кто должен узнать, что тебе его захотелось. Ты это прямо скажешь? Хочу, чтобы ты меня... ну и так далее?

А девочка, все-таки филфаковка, и нас за людей не считает. Кто мы для нее? Биолухи? Она так язвительно говорит... это о том, что я рассказал перед этим:

– А если я расскажу, какой знак, тогда больше эту тему закроем, раз и навсегда?

– Закроем – соглашается парень.

– И не только ты, но и остальные с подобными предложениями не полезут? – спрашивает девочка – Потому как мне эти пару недель хочется прожить спокойно и без приставаний.

– Ладно – отвечаем мы.

– Только скажи правду и потом от нее ни на шаг. Чтобы не говорила, потом, что пошутила. А то мы сразу настроимся и облом. Динамить, не хорошо. Давай будем друг друга жалеть.

– Хорошо» – говорит девочка – Вот если я перед кем, совсем разденусь, тогда можно.

– А если, кто тебя обманет? И обманом раздеться заставит?

– Голой? Обманет? Ну, значит так мне дуре и надо. – И хихикнула даже.

Так и порешили.

На следующий вечер мы стали на якорь рядом Любимовкой. Село такое, вниз по Днепру. Знаешь?

– Знаю. Я там, в пионерском лагере была.

– Ну вот. Днем купались, сеть бросали, ловили ихтиологических образцов. Взвешивали, бланки заполняли. А вечером уха, жаренные на вертеле образцы и спиритус вини, слегка разведенный. В воздухе прохлада, а вода в реке... парная.

– Айда на ночное купание? – Приглашаем девочку.

А девочка отказывается.

– Холодно, а купальник мокрый.

– А кто же ночью в купальнике купается? Мы отвернемся.

– Ага, – говорит девочка – вы как отвернетесь, так и повернетесь и мне мое же обязательство припомните. Не выйдет.

– Так мы обязуемся отвернуться и твое обязательство, в этом случае, действовать не будет.

– Нахалы! – Вмешалась в повествование Яна.

– Нахалы, конечно. Но девочка уже спирта хлебнула и говорит:

– Тогда клянись, что пока я в воду захожу буду, ни один не будет подглядывать и если кто подгляднет, остальные его потом побьют и на это мое обязательство не действует.

Ну, мы и поклялись.

– А дальше?

– А что дальше? Дальше понятно. Мы же поклялись не подглядывать, когда она заходит будет, а не выходить.

– Нахалы!

– Нахалы, но честные.

– И что потом девочка?

– Ждешь подробностей? Ну что могут делать с женщиной шесть голодных мужиков? Не есть же? Но потом ей понравилось. Мы были очень нежны в своей грубости.

– А что же ты сказал, что это девочки вас сами добивались, а не вы их?

– Хи. Конечно. А кто же поверит, что она не знала разницы между «заходить в воду» и «выходить» из нее? Я уверен, что у нее у самой внутри уже все горело. Тем более спирт, как самооправдание для завтрашнего дня и обстановка....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.